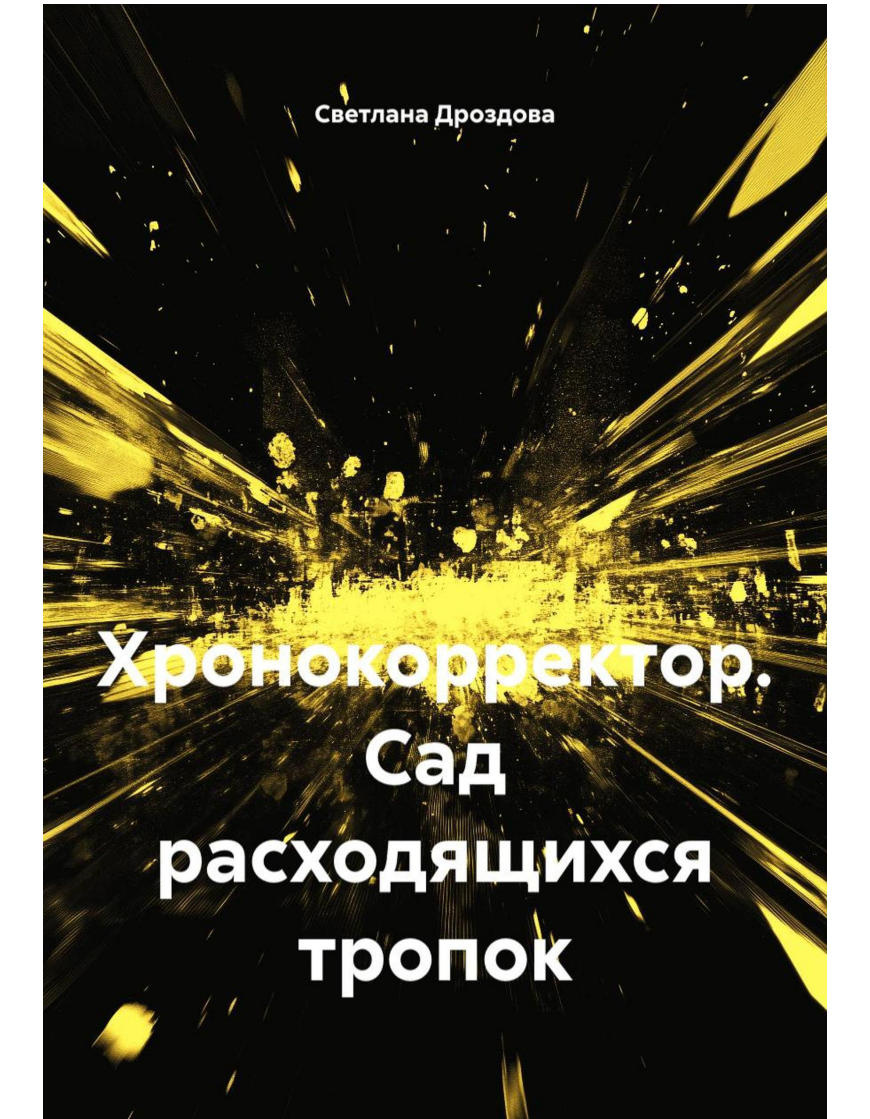

Светлана Дроздова

**Хронокорректор.
Сад
расходящихся
тропок**

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Сад расходящихся тропок

<https://litres.ru/74313617>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где время — это оружие, а чистота генома — высший закон, инспектор СХБ Глеб Вересов и генетик-изгнанница Кира совершают аварийное падение в палеоген. Их капсула разбита, связь с будущим потеряна, а по следу идет Хронофага — чудовище, пожирающее временные линии. Единственный шанс на выживание — нарушить все правила, скрепив свою ДНК с опасными спорами древнего леса. Но эта мутация запускает цепную реакцию: Кира беременна от «темпорального сдвига», а их будущий ребенок оказывается биологическим ключом к стабилизации реальности. Теперь они вынуждены защищать свою новую семью не только от хищников мезозоя, но и от собственного времени, которое пришло за ними с отрядом зачистки. Роман — это жесткая научная фантастика о любви как биологическом оружии, этике эволюции и борьбе за право быть несовершенным.

Светлана Дроздова

Хронокорректор. Сад расходящихся тропок

Глава 21. Последствия ночи

****Эпиграф:**** «Инструкция по хронобезопасности, пункт 404-Бис: если вы проснулись в одной постели с напарником и обнаружили общую ДНК-маркерную аномалию — не паникуйте. Паниковать нужно было вчера вечером, до того, как ваш совместный геном был внесен в базу данных Континуума».

Рассвет внутри биокупола «Эдем» наступал не так, как на Земле двадцать второго века, и уж тем более не так, как в мертвых пустошах палеогеновой Сибири, где базировался их временный лагерь перед прыжком. Там утро пахло озоном от работающих гравитационных якорей, горелой изоляцией старых капсул и синтетическим кофеином из армейских пайков — резким химозным запахом тревоги. Здесь же воздух был густым, тяжелым и живым. Он оседал на языке сладковатой гнилью распадающихся папоротников, прелой землей и чем-то приторно-медовым, исходящим от фосфоресцирующей слизи на стенах.

Глеб открыл глаза за секунду до того, как золотистое свечение купола начало болезненно-резко сменяться стерильным белым светом утреннего цикла дезинфекции. Его разбудил звук. Тихий, высокочастотный писк собственного нейроинтерфейса, имплантированного в височную кость еще на первом курсе Академии Хронологии. Интерфейс должен был сгореть три дня назад, когда они совершили жесткую посадку сквозь мезозойскую грозу. Энергетическое ядро капсулы выгорело дотла, превратившись в кусок радиоактивного шлака, экранирование лопнуло, а сам Глеб получил дозу излучения, достаточную, чтобы превратить его нервную систему в подгоревший кабель. Но чип пищал. И он сообщал о критическом гормональном скачке.

Уровень хорионического гонадотропина у него самого превышал норму взрослого мужчины в двести сорок раз.

Тошнота ударила мгновенно, скрутив внутренности ледяным жгутом. Это была не реакция организма на данные импланта — интерфейс лишь констатировал биохимический факт. Это были последствия болотного токсина, которым Кира смазала его рваную рану на боку накануне вечером, смешанные с неизвестной флорой этого места. Споры плесени, которые она вбила ему прямо в кровоток для экстренной коагуляции, сейчас явно продолжали свою работу там,

где анатомия человека заканчивалась и начиналась чужая эволюция. Глеб сел на краю широкого ложа, инстинктивно прижимая ладонь к животу, словно пытаясь удержать рвущиеся наружу органы. Фантомная боль пульсировала глубоко в тазу, отдаваясь тупыми ударами в основание черепа. Он моргнул, пытаясь сфокусировать зрение. Нейросвязь сбоила, выдавая поверх реальности сетку красных диагностических маркеров перегрузки систем жизнеобеспечения.

Он опустил взгляд.

Между ним и Кирой не было меловой черты. Не было разделительной линии спальников, которую он провел перед сном с педантичностью топографа, размечающего границу минного поля, отступая ровно на тридцать сантиметров от края ее коврика согласно параграфу семь Устава темпоральных агентов. Их руки лежали поверх грубой ткани простыни, сплетенные во сне так естественно, словно это повторялось каждое утро на протяжении десяти лет совместной жизни в стандартной ячейке жилого блока Пятого кольца Москвы. Пальцы Киры — тонкие, сильные пальцы хирурга высшей категории, привыкшие держать лазерный скальпель — покоились в его ладони. Большой палец инспектора рефлексивно поглаживал ее костяшки, ощущая сухую, горячую кожу.

Внутри у Глеба что-то оборвалось с сухим треском лома-

ющей кости. Это была не просто физиологическая реакция или похмелье после адреналинового выброса вчерашней бойни с гигантским дейнонихом. Это была профессиональная паника хроноинспектора первого ранга. Протокол эмоциональной изоляции, вбиваемый в подкорку годами тренировок в барокамерах Лунной базы, только что был не нарушен — он был сожжен, утоплен в соляной кислоте и похоронен без права на эксгумацию. Физический контакт произошел. Теплообмен состоялся. На микроскопическом уровне их тела уже обменялись миллиардами частиц органики, пока системы жизнеобеспечения купола поддерживали идеальные тридцать шесть и шесть градусов Цельсия.

Глеб попытался осторожно высвободить руку. Движение должно было быть плавным, текучим, чтобы не разбудить ее и не зафиксировать инцидент в логах тактической сети, но мышцы, сведенные судорогой от токсинов, дрогнули. Простыня натянулась, издав тихий шелест. В этот момент периферийное зрение поймало мерцание. Под тонкой кожей на запястье Киры вспыхнул и погас ровный зеленый светодиод ее личного диагностического импланта последнего поколения.

Зеленый. Цвет абсолютной нормы. Идеального метаболизма. Полного отсутствия патологий. Зеленого света статуса «Готов к эксплуатации», который выдают новые серверы

дата-центров Синдиката.

Этого не могло быть. Три года карцера Федеральной Службы Времени в одиночной камере без солнечного света, год принудительного введения стабилизирующих сывороток медленно убивали ее организм, вымывая кальций из костей и пигмент из глаз. Отравление спорами местной плесени, которое она использовала для спасения Глеба ценой собственного здоровья, должно было добить остатки ее иммунитета. Ее импланту полагалось светиться багровым цветом терминальной стадии отказа органов, требуя немедленной эвтаназии носителя. Но он сиял зеленым, как идеальный изумруд в витрине ювелирного дома на Новом Арбате.

Кира открыла глаза. Без переходного состояния, без вязкой пелены сна, без зевоты. Мозг генетика класса «Омега» включился на полную мощность, едва разомкнулись веки. Она не дернулась, не вскрикнула, не попыталась отстраниться в стыдливой спешке. Ее зрачки зафиксировались сначала на их сцепленных руках, затем скользнули выше, впиваясь в лицо Глеба. В ее взгляде не было ни смущения, ни сонной нежности. Только холодный, геометрически точный расчет врача-реаниматолога, оценивающего состояние пациента перед ампутацией конечности без наркоза.

— Твой интерфейс работает, — констатировала она вме-

сто приветствия. Голос звучал ровно, но в нем вибрировала та самая частота ультразвука, которая всегда предшествовала взрыву лаборатории на полигоне Капустин Яр.

— Что ты со мной сделала? — прохрипел Глеб. Его голос дрожал, но не от страха перед тварями снаружи. Он дрожал от ярости, бессилия и липкого, животного ужаса перед Куратором. Перед отчетом, который ему придется сдать. Если он выживет, чтобы его написать. Сдать значило подписать ей смертный приговор за саботаж миссии, а себе — трибунал за преступную халатность. — Почему мой мозг думает, что я беременная женщина на третьем месяце?

Кира села. Простыня соскользнула с ее плеча, обнажая бледную кожу, покрытую сеткой мелких шрамов от внутривенных катетеров и старыми ожогами от электродов допросов ФСБ. Она спокойно, почти ритуально коснулась своего живота чуть ниже пупка. Жест получился защитным и одновременно изучающим, словно она впервые прислушивалась к собственному телу.

— Я спасала твою жизнь, инспектор, — ответила она. Тембр ее голоса обволакивал, вводил в легкий транс. — Адаптационная плесень штамма *Mycelium Temporalis*, которую я ввела тебе в открытую рану, вступила в симбиоз с твоей лимфатической системой. Она закрыла сосуды быст-

рее, чем сработал бы стандартный военный коагулятор. Мы сидели бы здесь, и ты бы тихо истек кровью, глядя, как твой лучший друг превращается в окаменелость. Но главная проблема сейчас не в этом зеленом налете у тебя под кожей и не в том, что твои лейкоциты теперь умеют фотосинтезировать.

Она кивнула на потолок купола. Стыки титановых панелей мягко светились изнутри, транслируя данные внешнего сканирования. Система «Эдема» работала в пассивном режиме мониторинга фауны.

— Пока мы спали, система считывала наши биоэлектрические маркеры. Из-за близости тел температурные карты слились в единый тепловой узел. Споры плесени в твоих легких вошли в квантовый резонанс с остаточными колониями в моей крови. Купол воспринял нас не как двух отдельных людей. Он посчитал нас единым организмом. Разнополым, репродуктивно активным суперорганизмом с общим кровообращением.

Глеб почувствовал, как кровь отливает от лица, оставляя на коже серую маску трупного окоченения. Лабиринт коридоров Управления Хроники пронесся перед его внутренним взором. Белые стены, бесконечные таблицы парадоксов, красные печати «Стерильно» на каждой двери инкубатора Отдела Евгеники. Запах хлорки и формалина.

— Ты хочешь сказать... — начал он, но горло перехватило спазмом. Слово «беременна» застряло между реальностью и протоколом.

Кира молча потянулась к поясной сумке. Достала свинцовый ларец размером с книгу псалмов. Внутри, в магнитном желобе, лежал портативный секвенсор последнего поколения — прибор, способный расшифровать геном тираннозавра по одной упавшей чешуйке и определить время смерти мамонта с точностью до часа. Она откинула крышку. Прибор тихо загудел, активируя встроенную радиационную защиту.

Сначала она провела сканером над своим предплечьем. На развернувшейся в воздухе голографической панели вспыхнула первая полоса. Синяя, стабильная, толщиной в палец. Затем она перевела луч на шею Глеба, прямо над сонной артерией, где пульс бился частой, испуганной дробью.

Вторая вспышка. Зеленая. Чуть тоньше первой, мигнувшая пару раз, прежде чем стабилизироваться.

А потом экран мигнул, перезагружая протоколы анализа, коротко пискнул, оповещая о завершении вычислений, и выдал результат, от которого у закаленного ветерана темпоральных войн подогнулись колени. Две жирные горизонтальные полосы. У обоих. Зачатие произошло. Биологиче-

ский процесс запущен около шести часов назад.

Но то, что вывела детализация внизу экрана, заставило волосы на затылке Глеба встать дыбом, а желудок совершить кульбит, куда более впечатляющий, чем любая петля времени. Генетический материал мутировал. Двадцать третья пара хромосом не просто несла случайную мутацию от воздействия эпохи — она перестроилась заново, создав уникальный спиральный код, аналогов которому не существовало ни в одной базе данных Земли. Код, который идеально подходил для стабилизации временной линии, работая как физический демпфер энтропии. Они стали биологическим якорем. Прямо сейчас. Здесь. В этой кровати посреди гнилого леса, полного гигантских стрекоз размером с вертолет Ми-8.

Профессиональная паника перешла в фазу активного отрицания и поиска виноватых.

Глеб вскочил на ноги так резко, что мир накренился градусов на сорок пять, а к горлу подкатил комок желчи. Он перешел в режим выживания спецподразделения «Щит», столкнувшегося с угрозой класса «Экстерминатус». Для него беременность в раннем мелу была не чудом продолжения рода, не романтическим итогом пережитых ужасов и не исполнением библейского завета. Это была катастрофа вселенского масштаба. Сингулярность, рождающая-

ся в грязной постели посреди юрского периода.

— Мы должны это прервать, — бросил он, лихорадочно натягивая тактические штаны цвета пересохшей грязи. Руки не слушались, попадая мимо штанин, ткань путалась вокруг щиколоток. — Немедленно. Где твои препараты? Блокаторы деления клеток четвертой степени?Abortивные коктейли Омега-класса? Выжигай это из меня, Кира! Стерилизуй нас обоих!

— Успокойся, — Кира даже не пошевелилась. Она сидела, завернувшись в простыню, как в римскую тогу магистра, и наблюдала за его метаниями со снисходительной усмешкой ведущего научного сотрудника РАН, смотрящего на историю младшего лаборанта, пролившего азотную кислоту на единственный образец диссертации.

— Какого черта мне успокаиваться?! — взревел Глеб, опрокидывая походный стул. Металл с лязгом ударился о полимерный пол. Звук показался оглушительным в повисшей тишине. — Стерильность! Первое правило темпорального контакта! Золотой стандарт безопасности! Мы дышали воздухом, которым дышали динозавры! Каждая спора, каждый фотон ультрафиолета меняет будущее! Мы нарушили карантин, Кира! Мы принесли местную органику в свои легкие, превратили себя в ходячие чашки Петри, а теперь эта орга-

ника строит нового человека из наших ошметков!

Он принялся хаотично собирать вещи, швыряя в раскрытый рюкзак энергоячейки, запасные обоймы для импульсника, банки сублимированной воды и моток титановой проволоки. Это было механическое действие, попытка вернуть себе чувство контроля через создание физического беспорядка, через шум и движение. Его трясло крупной дрожью, зубы выбивали чечетку. Адреналин мешался с тошнотой и первобытным, экзистенциальным страхом отцовства.

— Парадокс убитой бабочки отдыхает в сторонке! — продолжал он, застегивая страховочный ремень на груди с такой силой, что пластиковая защелка хрустнула и развалилась на две части. — Контакт с местной средой уже меняет будущее необратимо! Один ребенок здесь уничтожит XXII век! Сотрет Москву, Питер, всю Сибирь! Вместо людей будут ползать бронированные слизни, потому что наш сын решит, что хвост полезнее копчика, и перепишет весь филогенетический древа приматов одним своим плачем!

Кира дождалась, пока поток проклятий в адрес эволюции иссякнет вместе с воздухом в его легких. Она плавно поднялась. Простыня осталась лежать на кровати белой лужицей. В белом свете зарождающегося утра ее тело выглядело скульптурой — слишком идеальной, слишком правильной

для женщины, прошедшей через мясорубку государственной измены, пытки и трехлетний голод. Она сделала шаг вперед.

Ее движения перестали быть мягкими. Они стали хищными. Экономичными. Так движется волчица, защищающая логово, или кобра перед броском. За два широких шага она преодолела расстояние между ними и загнала Глеба в угол между внешней стеной купола и массивным инкубатором Предтеч — древним саркофагом из черного металла, покрытым пылью миллионов лет, который они притащили из руин прошлой ночью, надеясь найти там источник энергии.

— Сядь, инспектор, — приказала она. В ее голосе впервые прорезался металл той самой Киры, что командовала подпольными лабораториями сопротивления в подвалах МГУ, отправляя студентов на смерть ради грамма чистого плутония. — И послушай физику процесса, прежде чем ты сломаешь ногу в приступе идиотизма и истратишь последние бинты на собственную задницу.

Глеб замер, тяжело дыша. Его рука легла на рукоять ножа на бедре. Боевой рефлекс старой закалки требовал отстранить ее, создать дистанцию, провести бросок через бедро, вырубить и сделать то, что должен. Но другая часть его мозга — та, что отвечала за анализ разведанных и оценку

угроз высшего приоритета — понимала: она знает больше. Она единственный ученый-биолог высшего эшелона, оставшийся в живых после чистки Академгородка.

— Это не беременность в понимании учебника акушерства для медицинских вузов, — начала она, нависая над ним, опираясь руками о стену по обе стороны от его головы. Коридор сузился до размеров гроба. — Это идеальный шторм эволюции. Ты думаешь, твоя драгоценная Федерация смогла бы вывести такого ребенка в пробирке? Нет. Им понадобились бы десятилетия евгеники, триллионы терабайт вычислений на квантовых серверах Луны и разрешение Совета Безопасности. А природа сделала это за одну ночь. Бесплатно. Просто потому, что мы оказались достаточно глупы, чтобы выжить.

Она начала загибать пальцы, методично разбивая его аргументы, превращая его панику в структурированную лекцию:

— Во-первых, споры плесени. Ты считаешь их заразой, болезнью. Но адаптационный штамм работал как квантовая матрица. Он проанализировал твой поврежденный геном, модифицированный тремя сотнями темпоральных прыжков, нашел ошибки и переписал их, используя местный углерод как строительный блок. Твое тело приняло изменения, потому что само состоит из них. Ты давно перестал быть чи-

стым Homo Sapiens, Глеб. Ты — гибрид.

— Во-вторых, среда. Да, мы дышим воздухом мелового периода. Но посмотри на фильтры купола. Посмотри на состав пыли на полу. Этот купол стоит на месторождении редкоземельных металлов, которые вымываются грунтовыми водами из костей погибших здесь архозавров. Воздух здесь пропитан естественными радиопротекторами и катализаторами репарации ДНК. Наш ребенок зачат в среде, которая очищает геном лучше любой клиники Союза Благоденствия.

— В-третьих, физика времени. Мы находимся в точке наименьшего давления континуума. Эпоха спокойствия. Если зачать мессию человечества, то именно здесь, где вероятность схлопывания ветки минимальна. Мы создали идеальное гнездо.

Кира наклонилась вплотную. Расстояние между их лицами сократилось до сантиметров. Глеб чувствовал тепло ее дыхания, видел каждую ресницу, отбрасывающую тень на высокие скулы.

— Ты боишься не парадоксов, Глеб, — прошептала она. Ее дыхание пахло диким медом, озоном и железом. — Ты боишься ответственности. Ты отличный солдат, безупречный исполнитель. Но ты бежишь от привязанности быстрее, чем Усэйн Болт от налоговой инспекции. Ты боишься того, что тебе придется заботиться о ком-то больше, чем о своем обо-

жаемом протоколе. Боишься того, что любовь сделает тебя уязвимым. Тебе придется стать отцом в мире, где ты даже себя спасти не можешь. А инструкция, увы, не предусматривает раздела «Как менять подгузники тираннозавру и объяснять подростку, почему нельзя разрывать пространственно-временной континуум».

Она выпрямилась и вернулась к секвенсору. Несколько быстрых пасов пальцами по голографическому интерфейсу, парящему в двадцати сантиметрах от пола. Проекция изменилась. Теперь это была не таблица совместимости групп крови. Это была трехмерная модель эмбриона, вращающаяся в воздухе.

Срок — около шести недель. Срок совершенно невозможный для нормального человеческого развития, но абсолютно логичный при ускоренной репликации спор, выступивших в роли сверхэффективного питательного раствора. Сердцебиение бьется ровно. Сто сорок ударов в минуту. Красный пульсирующий шарик в центре грудной клетки излучал мягкий свет. Код стабилен. Мутации локализованы в участках, отвечающих за регенерацию тканей и восприятие временных потоков.

— Если этот ребенок родится, — Кира повернула проекцию, показывая сложную структуру нервной трубки, напо-

минающую миниатюрную галактику, — человечество действительно спасено. Он сможет пережить Раскол. Его ДНК станет ключом, физическим шифром, который замкнет цепь обратно на XXI век, аннулировав ошибку Синдиката. Мы не сломали линию, Глеб. Мы создали предохранитель. Живой автоматический выключатель.

Воздух в комнате изменился. Запах меда никуда не делся, но к нему примешался новый, тревожный оттенок — запах озона перед ударом молнии, запах статики на старом телевизоре. Инстинкты Глеба, дремавшие во время научной лекции, взвились на дыбы. Шерсть на загривке (которой не было) встала дыбом.

Пока они выясняли отношения, занимались прикладной биохимией и бросались обвинениями в нарушении протокола, внешние датчики купола фиксировали всплеск энергии. Массивный. Направленный. Агрессивный.

Хронофага вернулась.

Тварь почувствовала появление истинного генетического якоря. Почувствовала ту самую уникальную сигнатуру, которой не было в этом времени миллионы лет, сигнал маяка мощностью в тысячу солнц. Для нее этот ребенок был самым изысканным деликатесом во всей мультивселенной — концентрированное время, упакованное в хрупкую плоть,

десерт после долгого поста. И она шла сюда, чтобы сожрать плод вместе с оболочкой, сиречь, родителями.

Паника схлопнулась. Страх никуда не делся — он стал холодным, острым, звенящим как струна, и направленным вовне. Режим «паникующий инспектор» отключился. Включился режим «командир штурмовой группы "Щит"».

— Сколько у нас времени? — голос Глеба снова стал ровным, лишенным эмоций, приобретшим тот металлический призыв, который появлялся только перед входом в зону активных боевых действий.

— Семь минут до визуального контакта, если она будет придерживаться русла реки, — отозвалась Кира, уже сидя за терминалом управления куполом. Ее пальцы порхали над консолью, перенастраивая архитектуру здания. — Она идет с севера, огибает соленое озеро. Скорость — сто километров в час. Она использует складки местности, маскируясь под термальный фон скал. Радары ее почти не берут, она поглощает волны.

— Распределение задач, — Глеб подошел к своему рюкзаку, выбрасывая оттуда лишнее: еду, палатку, лишние медикаменты, смену одежды. Оставил только боеприпасы, аптечку экстренной помощи и две плазменные гранаты последней

модели. — Ты остаешься здесь. В центре управления. Подключайся к инкубаторам Предтеч. Мне плевать, какие там древние протоколы безопасности стоят на этих гробницах. Ломай их, обходи, сжигай проводку. Копируй текущую стабильную ДНК ребенка в резервные банки данных. Залей копию в облако, зашифруй моим личным ключом. Если эта сука прорвется и убьет нас, информация должна выжить. Если база начнет плавиться — иницируй сброс ядра реактора в литосферу. Данные важнее наших жизней. Всегда.

Кира на секунду замерла, ее пальцы зависли над панелью ввода кода доступа. Затем коротко кивнула, принимая приказ без обсуждений и споров. Война началась.

— А ты? — спросила она, не оборачиваясь, продолжая вводить команды активации древних машин.

— А я пойду наружу, — Глеб проверил заряд батареи импульсника. Сорок процентов. Негусто, хватит на полторы минуты непрерывного огня. — Не для охоты. Я не самоубийца, решивший поиграть в героя боевика. Я буду ставить периметр. Остатки взрывчатки из твоей аптечки пойдут на растяжки направленного действия. Создам три ложные тепловые сигнатуры в полукилометре отсюда, имитирующие стадо крупных гадрозавров. Попытаюсь увести ее по широкой дуге, заставить тратить энергию на петли. Дай мне хотя бы

полчаса форы, чтобы настроить передачу данных на спутник связи.

Символизм момента бил наотмашь, на уровне дешевой театральщины, от которой сводило зубы, но которая странным образом успокаивала мечущийся разум. Перед уходом Глеб машинально потянулся к столу, взял тяжелый, гладкий камень кремня — оружие каменного века, бесполезное против темпорального зверя, но дающее странное, заземляющее ощущение твердой почвы под ногами.

Кира остановила его движение. Она подошла вплотную, игнорируя нависающую угрозу мучительной смерти, растегнула клапан его нагрудного кармана и вложила туда свой хирургический скальпель. Углеродистая сталь тускло блеснула в искусственном свете. Оружие защиты стало оружием нападения.

— Теперь мы оба вооружены инструментами друг друга, — сказала она. — Мой инструмент режет плоть. Твой — пространство и время. Используй их оба, чтобы вернуться. Иначе я найду способ вытащить твою душу из прошлого и лично сверну тебе шею.

Глеб застегнул карман. Ощущение холодного металла напротив сердца внезапно придало уверенности. Вес оружия

дисциплинирует. Он посмотрел на Киру. Она стояла в луче белого лабораторного света, похожая на античную жрицу перед алтарем, готовящую человеческое жертвоприношение. Одна ее рука все еще покоилась на животе, защищая невидимую, но уже ревностно охраняемую жизнь.

— Если я не вернусь... — начал он стандартную формулу прощания диверсанта, старую как сама война.

— Ты вернешься, — перебила она его. В ее глазах мелькнуло что-то новое. То, чего Глеб никогда раньше не видел за годы их знакомства. Железобетонная, пугающая своей полнотой уверенность матери. — Я вырастила плесень, которая любит мертвые ткани и превращает их в броню крушащего города Титана. Поверь, вырастить то, что любишь ты, для меня не составит труда. Это просто вопрос правильного химического баланса. Просто выиграй нам время. Заставь эту тварь бежать долго и больно. Пусть она захлебнется собственным криком.

Мембрана шлюза с тихим пневматическим шипением разошлась в стороны. Утробный рев древнего леса — смесь треска ломающихся папоротников высотой с пятиэтажный дом и криков птеранодонов, патрулирующих небо — ворвался внутрь. Пахло гнилью, влажной землей и металлическим привкусом чужой эры.

Глеб шагнул в зеленый ад палеогенового утра. Камера наблюдения купола проводила его перекрестием целеуказателя и переключилась на внутренний обзор.

Кира осталась одна. Она постояла еще мгновение, прислушиваясь к ритмичному гулу, который теперь транслировался через динамики всего «Эдема». Мерный, мощный стук сердца их ребенка. Система приняла его как сигнал высшего приоритета, окрасив внутреннее освещение купола в мягкий, пульсирующий голубой цвет — цвет покоя глубоководных впадин.

Поверх этого жизнеутверждающего звука начал нарастать низкий, вибрирующий рев Хронофаги. Она проламывала внешнюю флору леса примерно в полукилометре от них. Звук был похож на работу исполинской бензопилы, перемалывающей гранит, приправленную визгом стаи банши.

Кира повернулась к главному терминалу. Положила ладони на сенсорную панель. Стены «Эдема», до этого представлявшие собой прозрачный сад, залитый рассветом, начали перестраиваться. С мягким гулом гидравлики опускались титановые ставни, отрезая купол от внешнего мира. Биолюминесцентные лампы гасли, уступая место боевым прожекторам и турелям точечной обороны. Мирный сад трансфор-

мировался в неприступную крепость вокруг ее матки.

Она активировала протокол глубокой синхронизации. Поток данных устремился в недра инкубатора Предтеч. Древняя машина просыпалась, узнавая в ДНК новорожденного далекого правнука своих создателей, возвращающегося домой спустя вечность.

Глава закончилась звуком сработавшей первой ловушки Глеба. Вдали, за стеной деревьев, откуда не должно было быть видно горизонта, полыхнула ослепительная фиолетовая вспышка термобарического заряда, на долю секунды осветившая силуэт колоссальной многоножки, объятый темпоральным пламенем, пожирающим саму суть материи.

За ней последовал крик Хронофаги — звук рвущегося пространства-времени, вопль существа, осознавшего, что его обманули.

И сразу за этим криком, перекрывая его, изнутри терминала раздался новый, спокойный женский голос операционной системы «Эдема», ставший вдруг ледяным, синтезированным голосом Судьи:

«Обнаружена вторая темпоральная сигнатура. Класс угрозы: Омега-Ноль. Входящий канал связи зашифрован ключом Синдиката Переписчиков. Соединяю».

Писк входящего вызова прозвучал громче рева умирающей твари, громче падения метеорита. Битва за прошлое официально закончилась. Война за будущее только начиналась, и первый снаряд этой войны только что упал в их гостиную.

Глава 22. Голос выходит на связь

****Эпиграф:**** *«Инструкция по прерыванию несанкционированной линии времени. Пункт 1: Убедитесь, что сердце бьется не чаще 140 ударов в минуту перед введением препарата. Пункт 2: Если пульс превышает норму, система автоматически вводит транквилизатор. Пациент уснет счастливым».*

Блок А. Вторжение сигнала (Точка сборки)

Рассвет в Эдеме больше не приносил облегчения. Он перестал быть обещанием нового дня и превратился в ежедневный аудит уцелевшего. Глеб стоял на коленях посреди их новой пещеры — естественного грота, который они углубили за последние недели, вынося грунт горстями, как первобытные люди. Перед ним лежала россыпь титановых пластин от разбитого ретранслятора связи XXII века. Инспектор Вересов собирал пазл отчаяния.

Он пытался обмануть собственный мозг рутиной. Вчера это была сортировка съедобных корней цикория по степени ядовитости. Сегодня — попытка восстановить контакт с Базой, хотя оба знали: База никогда не ответит им ласковым словом дежурного оператора. Снаряжение было разбросано вокруг хаотично, нарушая главный постулат Службы хронологической безопасности о порядке в вещах и мыслях. Но сейчас этот беспорядок служил отличной маскировкой. Если Наблюдатель смотрит сверху тепловизором, он увидит лишь двух испуганных животных, копошащихся в своей норе.

Кира сидела у импровизированной жаровни. От котелка поднимался густой, горький пар. Это был не кофе — настоящий кофейный экстракт закончился еще во время бегства от Хронофаги. Кира варила суррогат из пережаренных корней местного растения, напоминающего хвощ, и добавляла туда толченую кору дерева, пахнущую гвоздикой и озоновым разрядом. Она делала это механически, ее руки двигались с пугающей точностью хирурга, отделяя волокна от мякоти. На ней все еще была та самая роба инспектора, превратившаяся в лохмотья, сквозь которые просвечивала бледная кожа предплечий. Там, под эпидермисом, едва заметно пульсировало холодное бирюзовое свечение спор.

— Еще две минуты, и можно пить, — сказала она, не обо-

рачиваясь. Ее голос звучал глухо, пробиваясь через фильтры самодельной маски-респиратора, которую она теперь носила постоянно, защищая легкие от собственной микрофлоры.

Глеб молча кивнул, протягивая ей очищенную титановую пластину. Звук соприкосновения металла о металл прозвучал в утренней тишине оглушительно. И именно в эту секунду мир сломался.

Звук пришел не снаружи. Рев Хронофаги или шелест крыльев местных птерозавров имели физическую природу — вибрацию воздуха. Этот звук родился прямо в центре их черепных коробок. Идеальная полифоническая гамма настройки нейроканала класса «Прима» — тот самый звук, который каждый инспектор слышал при имплантации чипа в двенадцать лет, чтобы навсегда забыть о возможности неповиновения. Пространство внутри купола Эдема пошло рябью, словно поверхность воды, в которую бросили невидимый камень. Воздух стал густым, тягучим, его стало физически трудно вдыхать.

Температура упала мгновенно. С плюс двадцати пяти до плюс пяти градусов. Пар изо рта Киры вырвался плотным белым облаком и завис в воздухе, медленно оседая инеем на каменном своде. Глеб почувствовал, как замерзает слюна на зубах.

Наблюдатель материализовался не как голограмма. Архитектура этого места не позволяла проецировать свет. Вместо этого реальность преломилась. Углы комнаты исказились, подчиняясь невозможной геометрии Евклида. Свет костра из желтого стал мертвенно-лиловым, тени вытянулись вверх и сплелись в высокую фигуру без лица, плеч и ног. Фантом сотканный из отрицательного пространства и абсолютного холода.

— Генетический аудит завершен, — произнес Голос. Он не имел тембра. Он состоял из чистого информационного давления, вибрирующего на частоте костей. — Зафиксировано слияние маркеров *Homo Sapiens* образца «Адам» и носителя Вересов/Вересова. Обнаружены инородные цепочки органики класса «Палеоген». Обнаружен синтетический маркер спор уровня Омега. Результат синтеза: плод несет маркеры XXI века. Конфликт темпоральных весов. Линия нестабильна.

Фигура сделала шаг вперед. Или воздух просто схлопнулся там, где она стояла, приблизив оптическую иллюзию на метр. Теперь холод обжигал кожу.

— Текущая беременность аннулирует проект «Эдем», — продолжил Голос, переходя на сухой язык системного лога,

лишенного любых человеческих коннотаций. — Для сохранения основной ветки человечества объект должен быть удален. Срок исполнения — шесть часов стандартного времени Эдема. Девятнадцать минут вашего субъективного времени до начала клеточной дифференцировки критических органов. Начинайте протокол санации.

Глеб смотрел на фиолетовый контур фигуры и чувствовал, как внутри него разливается знакомое, почти забытое тепло покоя. Вот оно. Проблема определена. Решение предписано инструкцией. Ему нужно только нажать кнопку.

— При отказе от протокола, — добавил Голос, предвидя человеческую иррациональность, — Служба хронологической безопасности проведет «Свертку». Купол будет уничтожен вместе с биоматерией классическим метеоритным ударом мощностью в сорок мегатонн. Таймлайн обнулится. Вы станете пеплом раньше, чем ваши нервные окончания успеют передать болевой импульс в мозг. Для контроля исполнения процедуры к вам направлен Офицер коррекции. Время прибытия — тридцать минут. Код авторизации гостя принят. Конец связи.

Лиловая фигура рассыпалась миллиардом ледяных кристаллов. Температура резко вернулась к норме, заставляя влагу на стенах мгновенно испариться горячим туманом. Ти-

шина ударила по барабанным перепонкам сильнее, чем сам Голос.

Кира медленно опустила кружку с дымящимся суррогатом на камень. Жидкость выплеснулась, шипя на раскаленной породе. Она не смотрела на Глеба. Ее зрачки расширились так, что радужка превратилась в тонкое коричневое кольцо. Дыхание участилось, грудная клетка вздымалась часто и мелко. Споры плесени у нее под кожей вспыхнули ярче — теперь вся ее левая рука от локтя до кисти светилась ровным, нездоровым ультрафиолетом, проступая сквозь ткань робы фосфорным узором.

Она сделала шаг вперед. Не к выходу. К центру пещеры. Прямо под то место, где висел фантом. И закрыла живот обеими руками. Это был жест крестьянки XIX века, прячущей дитя от рекрутского набора, помноженный на инстинкты альфа-хищника, закрывающего логово.

— Попробуйте, — тихо, почти нежно произнесла она в пустоту. Впервые за месяцы совместного выживания она говорила не с Глебом. Она обращалась к системе. — Вы пытаетесь сделать мне хирургическое выскабливание через спутник? Через квантовую сцепленность? Хотите вскрыть мою брюшную полость дистанционным нейролизатором? Попробуйте. Моя эндокринная система сейчас вырабатывает ток-

сины, способные растворить ваш ретранслятор в стратосфере. Хотите поговорить о маркерах?

Ее голос сорвался на низкое, угрожающее рычание. Биолюминесценция под кожей стала пульсировать в такт ударам ее сердца.

Блок Б. Анатомия приказа (Реакция системы)

Для Глеба слова Голоса были не угрозой. Они были отпущением грехов. Всю его жизнь, с того момента, как ему вжили первый социальный ограничитель в начальной школе, инструкции решали проблемы. Не нужно думать, сомневаться, выбирать меньшее из зол. Нужно открыть нужный файл в базе данных Министерства Этики.

Сейчас инструкция велела убить проблему. И самым чудовищным, парализующим откровением для сознания Глеба было осознание того, насколько сильно он этого хочет. Какое колоссальное облегчение принесет ему эта инъекция. Смерть плода вернет мир в понятную черно-белую систему координат. Есть нарушитель регламента — есть санкция. Мир снова станет правильным. Его брак с Алисой, проваленное задание, смерть десятков стажеров в аномалии, падение в прошлое — все это обретет смысл жертвоприношения ради чистоты эксперимента. Ребенок же превращал всю его

жизнь в грязную биологическую ошибку.

Его правая рука, действуя быстрее мысли, нырнула в набедренную сумку. Стандартная аптечка инспектора СХБ. Среди бинтов, гемостатиков и ампул с универсальным антидотом лежал одноразовый инъектор-пневмат матового черного цвета. Средство экстренной контрацепции высшей категории. Внутри — три кубика раствора, блокирующего митоз на стадии зиготы. Безболезненно. Эффективно. Стерильно.

Глеб поднялся с колен. Суставы хрустнули. Он подошел к Кире. Она стояла спиной к нему, освещенная тусклым светом жаровни, ее плечи дрожали мелкой, высоковольтной дрожью. Он занес руку с инъектором над ее обнаженным плечом. Зона введения — дельтовидная мышца. Рука Глеба не дрожала. Ни малейшего тремора. Взгляд был абсолютно пуст, прозрачен, как дистиллированная вода. В этом взгляде не было ни злобы, ни жалости. Только безупречная геометрия долга.

В левом виске кольнуло. Тепло. Нейроимпланты серии «Атлант-М» уловили доминирующую мысль хозяина — намерение выполнить приказ. Система считала состояние стресса опасным для выполнения миссии. Из шейного порта ввода лекарств микроскопическая игла впрыснула в кро-

воток микродозу окситоцина и серотонинового стабилизатора. Уровень кортизола упал на девяносто процентов. Физическая боль от старых ран отступила. Глебу стало хорошо. Почти эйфорически спокойно. Мозг услужливо подсвечивал иконку выполненного задания зеленым цветом на внутренней стороне век. Выполнить долг. Сохранить линию. Устранить угрозу.

— Замри, — прошептал он. Слово предназначалось не столько Кире, сколько самому себе, чтобы зафиксировать идеальный момент нажатия спускового крючка пневматики.

Воздух между ними загустел от запаха озона и сладковатого аромата гниющих водорослей, исходящего от кожи Киры. Она не обернулась. Она просто подняла левую руку. Медленно, преодолевая сопротивление собственного меняющегося метаболизма, перехватила запястье Глеба чуть выше кисти.

Началась борьба. Тихая, жестокая, интимная. В тесной пещере, пропахшей сыростью и паленым цикорием. Они молчали. Слышно было только тяжелое, со свистом выходящее из легких Киры дыхание и тонкий, нарастающий электронный писк. Так кричат перегружаемые чипы эмоциональной изоляции. Боль от попытки причинить вред напарнику, прописанная в базовом коде любого сотрудника СХБ. Програм-

ма пыталась заставить Глеба отдернуть руку, посылая импульсы агонии в периферические нервы, но химический коктейль в его крови блокировал болевые рецепторы. Программа проигрывала фармакологии.

Кира выворачивала его кисть против естественного сгиба. Хруст суставных сумок прозвучал как выстрел. Инъектор выпал из разомкнутых пальцев Глеба, ударился о камень и откатился в темноту.

Глеб рухнул на колени. Не от боли в руке — рука уже онемела. От удара изнутри. Чип в его мозгу вспыхнул сверхновой. Противоречие сожгло предохранители. Формула «Я спасаю человечество» столкнулась с формулой «Я убиваю своего ребенка». Логическая бомба разорвала синаптические связи, отвечающие за безусловное подчинение. Сервер эмпатии в его голове пошел вразнос, выбрасывая каскад ошибок доступа. Глеб тяжело привалился плечом к влажному камню, глядя на свои пальцы, которые внезапно перестали ему принадлежать. Он дышал открытым ртом, пытаясь поймать губами воздух, которого вдруг стало катастрофически мало. Впервые за двадцать лет службы инспектор СХБ Глеб Вересов дезориентирован настолько, что не мог вспомнить номер нужной инструкции.

Кира отпустила его. Она даже не посмотрела вниз, на

упавший иньектор. Ее глаза — два черных провала в белковом океане — сканировали стены пещеры, потолок, завалы камней у входа. Она сканировала пространство своим новым, нечеловеческим биологическим чутьем.

— Они блефуют насчет прямого удара, — прохрипела она. Голос вернулся к человеческой тональности, но приобрел новые, низкие обертоны, похожие на утробный гул тектонического разлома. — Пока мы внутри биокупола Предтеч, мы защищены. Поле Эдема резонирует с местной ДНК. Любой энергетический всплеск извне — лазер, плазма, гравитационная волна — разрушит саму матрицу Наблюдателя. Они потеряют доступ к этому сектору навсегда. Их аналитики не идиоты, они не станут жечь курицу, несущую золотые яйца.

Она повернулась к Глебу. Бирюзовое свечение ее левой руки отбрасывало причудливые тени на ее лицо, делая его похожим на древнюю языческую маску.

— Но они пришлют Офицера коррекции, — продолжила она, опускаясь рядом с ним на корточки. — Живого человека. В скафандре высокой защиты XXI века. Он войдет ногами. Без защиты купола. Со стазером ближнего боя и набором хирургических инструментов для работы в полевых условиях.

Глеб закрыл глаза. Картина была предельно ясной. К ним придет человек. Коллега. Тот, кто носит такую же форму. Тот, кто тоже верит в чистоту линий. И он будет смотреть на Киру не как на женщину, а как на операционное поле.

— Мы сделаем аборт, — сказал Глеб. Язык ворочался во рту тяжело, чужеродно. — Мы отдадим им... образец. Ткань. Пусть убедятся, что угроза устранена. И улетят.

Кира медленно покачала головой. Свечение под ее кожей начало затухать, сменяясь смертельной бледностью.

— Образец ткани покажет наличие палеогеновых маркеров. Этого достаточно для полной аннигиляции сектора. Нет, Глеб. Мы не будем делать аборт. Мы объявим войну Службе. Прямо здесь. В этой яме. Используя нашего ребенка как заложника и единственный существующий щит.

Блок В. Тактический анализ саботажа (Перехват инициативы)

Идея использовать нерожденное существо как живой бронжилет казалась вершиной безумия. Но когда Кира разложила перед ним переменные, математика смерти сложилась в уравнение жизни.

Служба не могла уничтожить купол. Служба не могла применить дальнобойное оружие. Любая передача энергии выше определенного порога вызовет резонанс поля Эдема. Последствия непредсказуемы: от мгновенного коллапса временной петли всей Солнечной системы до выброса земной биосферы в открытый космос. Наблюдатели слишком дорожили этим местом, чтобы рисковать им ради устранения одного статистического отклонения.

Их единственная уязвимость — физическая доставка исполнителя. Офицер коррекции. Человек в консервной банке, полагающийся на броню и устав.

— У нас тридцать минут, — Кира схватила Глеба за отворот рубашки и встряхнула, приводя в чувство. Ее хватка была железной. — Твой чип сгорел частично, но моторные функции ты потерял. Собери зубы в кучу. Мне нужен твой мозг, а не твои рефлексии. Где наш НЗ?

Вопрос отрезвил Глеба лучше любой химии. НЗ — неприкосновенный запас. Контейнер размером с кирпич, залитый в свинцовую оболочку. Содержимое: один портативный генератор силового поля «Купол-П», рассчитанный на пять минут работы, и одна кассета с тремя дозами концентрированного катализатора спор. Препарат, который Кира берегла как последний патрон. То, что окончательно сделает ее ча-

стью леса, лишив последних остатков человечности.

— Под восточным завалом, — ответил Глеб, чувствуя, как возвращается контроль над диафрагмой. — Вторая плита слева. Код замка — дата моего выпуска из Академии.

Кира метнулась к камням. Ее движения стали хищными, текучими. Она не разгребала завал руками — она давила на камни ладонями, и те крошились в песок, выдавленные направленной звуковой волной, генерируемой ее измененными голосовыми связками. Через десять секунд контейнер был у них.

— План такой, — Кира сорвала пломбы. Ее пальцы, светящиеся теперь ровным светом, ловко активировали консоль генератора. — Ты — приманка. Ты выйдешь к нему. Ты будешь играть идеального инспектора. Скажешь, что произошел сбой протоколов самоизоляции. Что гражданская Вересова находится в состоянии психоза из-за гормонального шторма. Скажешь, что удерживаешь ее силой. Попросишь у него ручной деструктор для проведения принудительной стерилизации лично. Тебе он поверит. Устав обязывает старшего по званию помочь младшему устранить угрозу проекту.

— А потом? — спросил Глеб. Во рту стоял медный привкус крови — он прокусил щеку во время борьбы.

— А потом ты пропустишь его внутрь периметра вон у той осыпи, — она кивнула на правый угол пещеры, где кладка камней имела естественный изгиб. — Там слепая зона для внешних сенсоров корабля-матки. Как только он пересечет порог — поле Эдема признает его местную органику. И мой подарок начнет работать.

Она открыла кассету с катализатором. Внутри, в янтарном геле, плавали споры, увеличенные в тысячу раз. Они выглядели как крошечные черные солнца.

— Что ты сделаешь? — выдохнул Глеб.

— Я дам ему экскурсию по внутреннему миру, — улыбнулась Кира. Улыбка не затронула ее глаз. — Споры проникают через любую мембрану, кроме оболочки самого купола. Его скафандр — это замок из песка. Я запущу культуру в систему жизнеобеспечения его костюма. Через три вдоха его легкие превратятся в питательный бульон для мицелия. Он останется жив. Слышать, видеть, чувствовать. Просто его тело перестанет быть его собственностью. Он станет моим рупором. И голосом твоего сына.

Глеб сглотнул ком в горле. Масштаб происходящего переставал укладываться в черепную коробку. Они собирались инфицировать офицера Коррекции инопланетной формой жизни, превратить его в ходячий гриб-паразит и транслиро-

вать через его вокодер ультиматум Центральному Командованию.

— Нас распылят на атомы, если узнают, — прошептал он.

— Если узнают, — эхом отозвалась Кира, вкалывая первую дозу катализатора себе в шею. Она зашипела сквозь зубы, ее позвоночник выгнулся дугой. Свечение плеснуло по стенам, окрашивая пещеру в цвета глубоководного рифа. — Поэтому никто не узнает. Корабль-матка уйдет на орбиту ждать отчета. А мы останемся здесь. Беременность дает нам иммунитет — наши антитела модифицированы, мицелий нас не тронет. Мы будем сидеть тут девять месяцев. Рожать будем сами, перерезать пуповину буду зубами, если понадобится. А капитан Райт будет стоять у входа и вежливо просить разрешения войти. И знаешь, что самое прекрасное, Глеб?

Она закончила трансформацию. Ее глаза полностью почернели, белки исчезли. Лицо стало гладким, почти скульптурным. Она больше не выглядела человеком. Она выглядела как сосуд.

— Самое прекрасное то, что юридически ребенок чист. Маркеры XXI века принадлежат отцу. Маркеры Палеогена принадлежат матери. А вот офицер Райт, стоит ему вдохнуть местный воздух, становится биологическим оружием массового поражения. Кто теперь угроза проекту «Эдем»?

Глеб смотрел на нее, и липкий ужас одиночества, преследовавший его с первого дня падения, наконец отступил. Он больше не был педантом, потерявшим инструкцию. Он был сообщником богини разрушения.

— Дай мне стазер, — попросил он.

Кира вынула из складок своей одежды тяжелый табельный излучатель. Металл был теплым от ее тела. Она вложила рукоять в его здоровую ладонь. Пальцы Глеба сомкнулись на оружии привычно, как клюшка в руках хоккеиста. Стазер давал ощущение власти. Иллюзию контроля.

— Ты ранен, — констатировала она. — Ты слаб. Охранник и охраняемый поменялись местами окончательно. Стой за моей спиной. Говорить буду я.

Символическое разоружение завершилось. Глеб взял камень из мелового периода — плоский серый обломок известняка, который он подобрал в первые часы после крушения капсулы и носил в кармане как талисман тупого человеческого упорства. Камень полетел в остатки вчерашнего кострища. Прошлое больше не имело веса.

В ту же секунду датчики внешнего периметра купола за-

фиксировали вторжение. Мягкий золотой свет Эдема, имитирующий земное солнце, меркнет. По стенам пещеры пробегают полосы аварийного красного. Резервное питание переключается на тревогу.

Бух. Пауза. Бух.

Звук тяжелой, ритмичной поступи. Звук, который невозможно спутать ни с чем другим. Титановая подошва армейских ботинок службы Коррекции ступает по райскому газону. Каждый шаг вбивает гвоздь в крышку гроба их прошлой жизни.

Мембрана входа расходится беззвучно, втягиваясь в пазы. На пороге, залитый багровым светом тревоги, стоит идеальный силуэт. Черная штурмовая броня модели «Цербер», отражающая интерьер пещеры в своих глянцевых поверхностях. Шлем зеркальный. Глеб видит в нем свое перекошенное страхом лицо и спокойный лик Киры-титана.

Из внешних динамиков брони гостя звучит синтезированный баритон:

— Я — Капитан Райт. Индекс коррекции Альфа-Омега-9. Прибыл для проведения процедуры санации согласно приказу Наблюдателя. Гражданская Вересова, предъявите область живота для визуального осмотра. Где находится объект?

Красные лампы мигнули в последний раз и погасли. Пещера погрузилась в абсолютную тьму, разрываемую только пульсирующим бирюзовым светом, идущим теперь изнутри самой Киры. Она вышла из-за спины Глеба, заслоняя его собой от зеркального шлема.

— Добро пожаловать домой, капитан, — произнесла она голосом, в котором смешались шипение змеи и гул ядерного реактора. — Экскурсия начинается.

Глеб поднял стазер. Переключатель режима огня встал в положение «Шок». Его палец лег на спусковой крючок. Он целился ровно в центр грудной клетки капитана Райта. Целься в середину массы. Так гласила первая страница учебника стрелковой подготовки.

Только теперь целью был не зверь из мезозоя. Целью был человек, который еще не знал, что он уже мертв.

Блок Г. Анатомия визита (Разговор в темноте)

Тьма в пещере была не просто отсутствием света. Она была плотной, осязаемой субстанцией, пропитанной запахом озона, влажной земли и чего-то третьего — сладковатого, мускусного аромата разогретого мицелия. Кира стояла непо-

движно, словно высеченная из черного мрамора с прожилками холодного пламени. Глеб видел лишь ее профиль, выхваченный внутренним сиянием ее грудной клетки. Капитан Райт не шевелился. Его зеркальный шлем отражал синеву Киры, дробя ее на тысячи мелких осколков.

— Гражданская Вересова, — повторил вокодер. Механическая бесстрастность голоса странно контрастировала с абсурдностью ситуации. — Приказ Наблюдателя имеет приоритет первой степени. Ваше сопротивление квалифицируется как мятеж. Положите руки на затылок и опуститесь на колени.

Кира медленно, демонстративно сложила руки на животе. Движение было плавным, материнским, но в нем сквозила такая властная тяжесть, что синтаксис приказа капитана повис в воздухе бессмысленным набором звуков.

— Опустить на колени? — переспросила она, и в ее голосе впервые прорезалась нотка искреннего любопытства. — Зачем? Чтобы тебе удобнее было вводить катетер в мою матку? Или чтобы твоя титановая подошва красивее смотрелась на фоне моих ребер, когда ты начнешь процедуру принудительного извлечения?

Райт сделал шаг вперед. Звук шагов изменился — мягкая почва Эдема чавкнула под металлом. Он пересек гра-

ницу мембраны. В ту же секунду бирюзовое свечение Киры вспыхнуло ослепительным импульсом. Силовое поле Эдема, обычно невидимое, проявило себя сеткой тонких золотых молний, пробежавших по броне капитана от пят до макушки. Райт замер, его сервоприводы протестующе взвизгнули, сопротивляясь внезапному электромагнитному захвату.

— Стоять, — мягко приказала Кира. Золотые нити впились в стыки бронеплит. — Ты вошел в чужой дом, капитан. Здесь другие законы физики. Здесь мои правила. Сделаешь еще один шаг — и золотая сеть пройдет сквозь фильтры твоего респиратора. Местный воздух очень любознателен. Ему нравятся замкнутые пространства. Например, твои легкие.

Глеб крепче сжал стазер. Его палец начал выбирать свободный ход спуска. Адреналин бил в виски кузнечным молотом, но разум работал холодно и четко. План Киры был безумен, но математически изящен. Главное сейчас — не дать Райту включить внешнюю связь. Если он выйдет на общую частоту и доложит о биоаномалии, корабль-матка сбросит кинетический заряд, игнорируя риски для купола. Им нужно держать диалог внутри пещеры.

— Нарушение периметра влечет за собой немедленную ликвидацию, — сообщил Райт. Его голос оставался ровным, но динамики дали легкий статический сбой. Электроника

боролась с полем Эдема. — Я вооружен. Модель «Цербер» способна выдержать прямое попадание стазера в упор. Опустите оружие, инспектор Вересов. Это приказ вашему чипу.

Глеб нажал на спуск. Раздался хлопок сжатого газа. Синий луч ударил точно в нагрудную пластину капитана. Броня приняла заряд, пошла радужными разводами побежалости, но устояла. Луч отразился вверх, подпалив каменный свод. Запахло жженым кремнием.

— Видишь? — крикнул Глеб, перекрывая шипение остывающего камня. — Он в режиме максимальной дефлексии! Нам его не пробить!

— Мне не нужно его пробивать, — ответила Кира, не поворачивая головы. Она сделала скользящий шаг влево, заходя капитану во фланг. — Мне нужно, чтобы он открыл рот.

Райт перевел стволы интегрированных в наручи мини-излучателей на Киру. Красные точки лазерных целеуказателей заплясали на ее груди, прямо над сердцем. Две красные точки, идеально симметричные.

— Последний шанс, — пророкотал шлем. — Объект. Или ваша жизнь. Выбор очевиден любому выпускнику Академии.

Кира рассмеялась. Это был страшный, лающий звук, со-

вершенно не подходящий женскому горлу.

— Академия научила тебя стрелять, мальчик. А меня — слушать. Слушай внимательно. Твоя система фильтрации воздуха работает на восьмидесяти процентах мощности. Поля Эдема создают интерференцию. Ты слышишь этот тихий свист в ушах? Это твои барабанные перепонки начинают отслаиваться от низких частот. Скоро ты потеряешь слух. Потом зрение — меланин в твоей сетчатке уже реагирует на мое свечение, скоро пойдут неконтролируемые фосфены. А потом...

Она резко выкинула правую руку вперед. Это не был удар. Это был жест дирижера. С потолка пещеры, из глубокой трещины, куда они годами сметали мусор, сорвалось облачко черной пыли. Оно не падало — оно летело горизонтально, управляемое акустической волной. Облачко вошло в вентиляционные решетки на поясе скафандра Райта.

Капитан дернулся. Рефлекторно. Его боевой опыт требовал разорвать дистанцию, активировать стазис-поле. Но золотая сеть поля Эдема держала его ноги приклеенными к земле.

— Что это было? — вокодер впервые дал искажение, похожее на человеческий испуг. Частота звука поплыла вверх.

— Приветственный комитет, — мурлыкнула Кира. — *Sporangia praegrandis*. Локальный штамм. Сейчас спора на-

ходится в воздушном кармане твоего воротника. Она ищет тепло. Иди ко мне, малыш. Иди к мамочке в трахею.

Райт издал булькающий звук. Его правая рука метнулась к шее, пытаясь сорвать герметичный замок шлема вручную. Глупый, архаичный жест умирающего от асфиксии астронавта из древних фильмов. Автоматические замки заблокировались программно при обнаружении биологического заражения.

— Карантин... — прохрипел он. — Активация протокола «Саранча»...

— Поздно, — Кира оказалась вплотную к нему. В темноте пещеры ее глаза казались двумя черными звездами. Она положила свою светящуюся ладонь прямо на его визор. — Протокол «Саранча» требует подтверждения с орбиты. А орбитальный канал забит. Забит спорами, которые прямо сейчас пожирают смазку в суставах твоих пальцев. Попробуй пошевелить мизинцем. Чувствуешь, как скрипит хрящ? Это кальций превращается в целлюлозу.

Глеб поднялся на ноги. Стазер в его руке казался неподъемным. Он обошел застывшую пару кругом, держа цель на прицеле. Он видел данные на внутреннем дисплее забрала: пульс Райта сто восемьдесят, давление зашкаливает, уровень кислорода падает. Но индикаторы жизнеобеспечения

скафандра горели ровным зеленым. Костюм честно пытался спасти хозяина, прокачивая через фильтры отравленный воздух.

— Открой канал связи с кораблем, — приказал Глеб, стараясь, чтобы голос звучал ровно, по-уставному. — Докладывай. Мы столкнулись с непредвиденной мутацией объекта. Требуется эвакуация пилота. Повторяю, требуется немедленная эвакуация пилота. Код угрозы — «Черный Лотос».

Райт попытался ответить. Его челюсть дрогнула. Из-под шлема, сочась сквозь уплотнители, потянулась тонкая нить сизого дыма. Или это была только игра теней?

— ...блокировка... — выдавил он. — Внутренняя... перистальтика... заменяется...

— Скажи им правду, капитан, — шепнула Кира ему прямо в визор. Ее губы почти касались затемненного стекла. — Скажи своему адмиралу на мостике, что проект «Эдем» захвачен. Захвачен будущим. И если они попробуют прислать сюда десантный бот, я распылю катализатор через внешние распылители купола. Вся планета покроется лесом за сутки. Лесом, который умеет строить корабли. Куда вы тогда денетесь со своей чистой линией времени?

Внезапно Райт обмяк. Его колени подогнулись, и золо-

тая сеть плавно опустила массивное тело на землю, бережно, словно укладывая ребенка в колыбель. Визор шлема потемнел — включился режим энергосбережения. Но динамики продолжали работать.

— Корабль... вызывает... база... — прошелестел мертвый голос из динамика. — Критическая... нагрузка... на дыхательную... систему... Проникновение... стопроцентное... Субстрат... пригоден...

Кира отняла руку от визора. На стекле остался четкий отпечаток ее ладони, светящийся в темноте.

— Вот и славно, — сказала она, поворачиваясь к Глебу. В ее глазах плескалось торжество древнего океана. — Теперь у нас есть громкая связь. И очень удобное транспортное средство. Помогите мне снять с него шлем. Хочу посмотреть в глаза человеку, который собирался вырезать моего сына.

Глеб посмотрел на свой стазер, потом на распростертого в позе эмбриона капитана в идеальной броне, из стыков которой уже пробивались тонкие белесые нити грибницы. Инструкции больше не существовало. Была только женщина, состоящая из живого оружия, и мужчина, готовый защищать ее с пистолетом в руках до последнего вздоха. Война началась.

Блок Д. Ультиматум небесам (Трансляция)

Процедуры снятия тяжелой штормовой брони «Цербер» в одиночку не существовало. Даже вдвоем, имея одну рабочую руку на двоих, они провозились семь минут. Глеб работал манипулятором стазера как ломом, отжимая фиксаторы на бедрах и голеньях, пока Кира придерживала обмякшее, но все еще невыносимо тяжелое тело. Каждое движение отдавалось болью в ключице Глеба, но эта боль была честной. Настоящей. Она заземляла его, не давая сознанию соскользнуть в истерику масштаба происходящего.

Когда грудная пластина отошла со звуком распечатываемой консервной банки, в пещеру ворвался запах. Кислый пот, дешевый антисептик казарм СХБ и слабый, едва уловимый аромат озоновой зубной пасты. Под всем этим скрывался первобытный человеческий страх. Капитан Райт оказался молодым. Лет тридцати, не больше. Совсем мальчишка, судя по отсутствию шрамов аугментации на шее. Светлые волосы слиплись от пота, лицо было бледным до синевы. Губы приобрели синюшный оттенок — гипоксия. Но он дышал. Поверхностно, часто, с влажным хрипом, но его грудь поднималась. Мицелий поддерживал метаболизм тела, используя его как среду обитания, не разрушая каркас сразу.

Кира отстегнула внешний пакет первой помощи с пояса скафандра. Шприц-тюбик с мощным стимулятором. Она пе-

ревернула Райта на спину, запрокинула ему голову и точным движением ввела иглу в сонную артерию.

— Не хочу, чтобы наш новый друг отключился от болевого шока в самом начале разговора, — пояснила она, массируя точку пульса. — Просыпайся, капитан. У тебя назначена аудиенция.

Глаза Райта распахнулись. Зрачки были расширены на весь белок, радужку затопило черным. Но взгляд был осмысленным. Более того — в нем плескался чистый, незамутненный ужас существования, запертого в собственном теле, которое превратилось в гостиницу для паразитов. Он попытался закричать, но из горла вырвался только тихий свист — голосовые связки уже начали менять структуру.

— Тш-ш, — Кира приложила палец к его визору, словно успокаивая младенца. — Все хорошо. Ты теперь часть экосистемы. Бессмертная часть. Разве не об этом мечтает ваша Служба? Вечная жизнь. Правда, немного... древесная. Расскажи-ка своему командованию, как прекрасны симбиозы.

Она помогла ему сесть, прислонив спиной к валуну. Райт двигался как марионетка, чьи нитки перебирает неумелый кукловод. Его руки дергались, пальцы скрючивались, покрываясь белой паутиной.

Кира взяла с камня планшет внешней связи, встроенный в стену пещеры. Устройство пищало красным — сигнал блокировки от корабля-матки.

— Они пытаются изолировать нас, — бросил Глеб, не опуская стазер. Он стоял в трех метрах от Райта, контролируя сектор выхода. — Джамминг-сигнал. Хотят заглушить передачу.

— Пусть стараются, — Кира коснулась экрана. Зеленый индикатор пробился сквозь красную пелену. — Поле Эдема экранирует любые частоты, кроме тех, которые разрешаю я. Выводи на общую волну СХБ. Частота семьсот сорок четыре. Главный канал.

Глеб продиктовал цифры. Пальцы Киры плясали по виртуальной клавиатуре с невероятной скоростью. Она обходила защитные алгоритмы двадцатого поколения так, словно писала любовную записку. Сказывалась разница поколений: для нее имперские протоколы безопасности были открытой книгой, написанной на языке,

...на котором она сама себя переписала. Сказывалась разница поколений: для нее имперские протоколы безопасности были открытой книгой, написанной на языке, который она давно переросла.

Экран мигнул, принимая частоту. На секунду по дисплею

пошла рябь статике — корабль-матка пытался продавить их канал квантовым брандмауэром. Но золотое поле Эдема поглотило атаку, превратив разрушительный код в мягкое тепло, подсветившее пещеру уютным янтарным светом.

— Говорит пещера Дельта-Приоритет, — голос Киры удалил из внешних динамиков купола с мощностью корабельной сирены. Звук отразился от стратосферы и ушел вверх, пронзая облачный слой. — Частота разблокирована лично мной. Не пытайтесь глушить. Каждый ваш джамминг-пакет я конвертирую в локальный электромагнитный импульс. Если вы продолжите давить, у вас выгорят предохранители наведения главного калибра прямо сейчас. Проверять будем?

В эфире повисла мертвая тишина. Слышно было только тяжелое, булькающее дыхание капитана Райта да тихий шелест мицелия, прорастающего сквозь швы его внутреннего комбинезона.

— База вызывает Дельту, — наконец прорезался холодный, синтезированный голос дежурного офицера орбитального контроля. В нем не было эмоций, но алгоритмы поиска ключевых слов выдавали панику системы. — Зафиксировано несанкционированное использование канала связи капитаном Райтом. Зафиксирован биологический захват носителя. Гражданская Вересова, немедленно деактивируйте пере-

дачу. Вы нарушаете статью о сохранении темпоральной стерильности. Приказываю сложить оружие...

Кира нажала кнопку интеркома на сенсорной панели брони Райта. Теперь ее голос транслировался через внешние динамики скафандра, накладываясь на официальный канал Базе жутким эхом.

— Сложить оружие? — переспросила она ласково, почти певуче. — Как трогательно. Офицер на орбите, посмотрите на свои тактические мониторы. Видите тепловые сигнатуры моего мужа? Он держит вашего мальчика на прицеле стазера. Стазер переведен в режим «Шок», потому что мы пока еще вежливы. А теперь посмотрите биоанализаторы костюма Райта. Что говорит вам спектрометрия легких?

Она сделала паузу, давая серверам Базе считать данные телеметрии, которые автоматически передавались со скафандра.

— Сорок процентов альвеол уже замещено хитином класса Омега. Это не инфекция, офицер. Это архитектурный проект. Мы строим новый орган дыхания вашему капитану. И если вы попытаете сбросить кинетический заряд или десантную капсулу, этот милый гриб внутри Райта выделит споры уровня «Абсолют». Они поднимутся с конвекционными потоками до самой вашей обшивки. Ваш флагман превратится в цветущий сад за сорок восемь минут. Сад, кото-

рый очень любит металл полимеров. Куда полетит ваша чистая линия времени без корабля, офицер?

Глеб смотрел на профиль Киры. В тусклом свете аварийных ламп он видел каждую ресницу, отбрасывающую тень на ее скулу. Она больше не была его напарницей, сломленной женщиной или жертвой обстоятельств. Перед ним стоял демиург. Безжалостный, расчетливый и абсолютно свободный от человеческой морали. Она играла с ними всеми, используя биологию как шахматную доску.

— Требования, — прохрипел Райт. Его собственный вокодер был отключен, слова рождались напрямую в горле, проходя через меняющиеся ткани гортани. Звук получился влажным, скрежещущим, нечеловеческим. — Отпустите... контроль... дадим... коридор...

Кира медленно повернулась к нему. Опустилась на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне. Ее черные глаза заполнили весь мир Глеба в этот момент.

— Коридор? — прошептала она так тихо, что микрофоны шлема едва это уловили. — Ты просишь коридор после того, как пришел вырвать плод из моей утробы? Нет, капитан. Мы изменим условия сделки.

Она снова развернулась к консоли. Ее пальцы замерли над

вводом новых координат.

— Слушайте внимательно, орбитальный контроль. Это ультиматум. Записывайте в протокол под мою личную ответственность. Пункт первый: Проект «Эдем» признается автономной территорией. Вы прекращаете наблюдение. Все спутники слежения переводятся на полярную орбиту вне радиуса действия поля. Любое приближение будет расценено как акт агрессии против симбиотической формы жизни. Пункт второй: Капитан Райт остается с нами. Он наш почетный гость, посол доброй воли и ходячая система жизнеобеспечения. Пока мой ребенок не родится, он дышит тем же воздухом, что и мы. Любая попытка медикаментозного сна или дистанционной блокировки его чипа приведет к тому, что я активирую катализатор спор в его префронтальной коре. Он станет овощем, способным лишь повторять мои приказы. Пункт третий: Инспектор Вересов восстанавливается в должности Старшего смотрителя сектора. Ему присваивается полный карт-бланш на управление периметром. Его чип аннулируется. Удаляйте ваши трекеры из его головы прямо сейчас, иначе я решу, что вы планируете двойную игру, и начну сеять лес снаружи купола.

Офицер на Базе молчал тридцать секунд. Для нейросети это вечность. Глеб слышал, как перегружаются кулеры серверов где-то там, наверху, пытаясь просчитать миллиарды переменных. Математическая модель говорила им: уступить.

Потеря одного сектора наблюдения лучше, чем потеря всего флота.

— Принято, — мертвым голосом отозвалась База. — Карт-бланш подтвержден. Наблюдение свернуто. Начинаем процедуру дебаффинга чипа инспектора Вересова. Код авторизации принят. Добро пожаловать домой, старший смотритель.

Связь оборвалась. Красная пелена тревоги на стенах пещеры сменилась ровным, спокойным зеленым светом. Золотое сияние защитного поля Эдема вспыхнуло в последний раз приветственным салютом и растворилось в воздухе, становясь вновь невидимым. Тишина, воцарившаяся после этого, была оглушительной. Впервые за долгие месяцы они остались одни. По-настоящему одни. Без взгляда Бога в затылок.

Кира выдохнула. Напряжение оставило ее плечи, заставив буквально осесть на пол. Свечение под ее кожей медленно угасло, возвращая эпидермису нормальный человеческий оттенок. Она выглядела смертельно уставшей. Измотанной до предела.

— Девять месяцев, — прошептала она, закрывая лицо руками. — Целых девять месяцев нам нужно изображать счастливую семью первобытных людей, пока эта посудина висит

над головой. Я ненавижу играть в долгую, Глеб.

Глеб опустил стазер. Переключатель щелкнул, уходя в положение «Безопасно». Металл показался ему ледяным. Он подошел к Кире, тяжело привалился плечом к камню рядом с ней. Каждое движение отзывалось тупой болью в ребрах, но сейчас эта боль казалась самым честным чувством во Вселенной.

— Тебе не придется играть, — сказал он хрипло. Он посмотрел на тело капитана Райта. Молодой парень сидел, приклонившись к валуну, его грудь мерно вздымалась. Белые нити грибов оплетали его ноги, словно корни старого дерева. Взгляд капитана был устремлен в никуда, зрачки зафиксированы расширенными точками. — Посмотри на него.

Кира проследила за его взглядом.

— Что с ним? — спросила она равнодушно. — Кроме того, что он теперь папоротник?

— Он спокоен, — ответил Глеб. — Спокоен впервые, наверное, с момента зачисления в Академию. Ни инструкций, ни долга, ни страха перед аттестацией. Только фотосинтез и покой. Знаешь... когда твой чип сгорел сегодня, когда ты перехватила мою руку... я почувствовал то же самое. Облегчение. А потом страх. Самый страшный страх в моей жизни, Кира.

Она повернула к нему голову. Черные провалы глаз начали светлеть, проступала радужка — темно-каряя, цвета запекшейся крови.

— Какой страх? — тихо спросила она.

— Страх свободы, — признался Глеб, глядя на зеленый свод пещеры. — Всю жизнь я думал наказанием является смерть. Или отстранение от службы. Оказывается, настоящее наказание — это отсутствие инструкции. Когда никто не говорит тебе, хороший ты человек или плохой. Когда нет протокола, запрещающего любить женщину, которая состоит из плесени. Когда нет приказа, оправдывающего убийство собственного ребенка. Мы голые, Кира. Абсолютно голые посреди рая. И нам самим решать, кем мы здесь станем.

Он протянул здоровую руку и коснулся ее щеки. Кожа была влажной и горячей. Под пальцами он чувствовал едва заметную пульсацию — два сердца, ее собственное и крошечное сердечко плода, били вразнобой, создавая сложную, тревожную симфонию новой жизни.

— Кем мы станем? — повторил он вопрос, вкладывая в него всю тяжесть рухнувшего мира.

Кира накрыла его ладонь своей. Ее хватка все еще оставалась железной, но прикосновение стало нежным. Медлен-

ным. Человеческим.

— Мы станем родителями, — просто сказала она. — Самыми вооруженными родителями в истории антропологии. Дай мне минуту. Мне нужно интегрировать нервную систему Райта в общую сеть купола. Хочу установить пару скрытых камер в его зрительном нерве. Пусть наши гости сверху смотрят документальное кино о том, как растет наша семья.

Она поднялась на ноги одним плавным движением хищника. Подошла к капитану, положила ладони по обе стороны от его зеркального визора. Бирюзовое свечение снова начало пульсировать на кончиках ее пальцев, но теперь оно было мягким, терапевтическим. Она не вторгалась грубо — она вела диалог на языке аминокислот, договариваясь с колониями спор о границах дозволенного. Она настраивала свой живой инструмент.

Глеб остался сидеть на полу. Он отстегнул магнитные фиксаторы своего нагрудника. Тяжелая броня инспектора упала на камни с глухим лязгом, обнажая пропитанную потом и кровью нательную рубаху. Он сбросил ботинки. Развязал шнурки дрожащими пальцами.

Воздух пещеры коснулся его босых ступней. Он был теплым, пах озоном, прелой листвой и железом. Настоящий воздух. Воздух планеты, которой еще не существовало в его ка-

лендарях.

Он лег прямо на каменный пол, подложив руки под голову. Закрыв глаза. Нейроимпланты в его висках молчали. Мертвая зона. Полное отсутствие связи с Центром. Никакого успокаивающего шепота систем поддержки. Никакого зеленого света одобрения. Только гул крови в ушах и далекий, медленный ритм шагов Киры, обходящей периметр.

Впервые за двадцать лет службы инспектор СХБ Глеб Вересов заснул без снотворного, провалившись в черную бездну абсолютной неизвестности. Он не знал, наступит ли завтрашний день. Он не знал, увидит ли закат. Но впервые за эти месяцы он точно знал, зачем просыпаться.

Блок Е. Хроника осадного положения (Три месяца спустя)

Время в Эдеме перестало измеряться ударами кварцевого генератора хронографа. Оно отсчитывалось ростом лишайника на бронепластинах заброшенного ретранслятора и шириной колец на срезе местной древесины, которую Кира научилась обрабатывать ультразвуком своих ладоней. Прошло девяносто четыре дня. Три месяца карантина, объявленного

самими себе.

Внешне ничего не изменилось. Купол по-прежнему имитировал вечный июль средней полосы России. Трава росла неправдоподобно зеленой, река несла свои прозрачные воды мимо гранитных валунов. Идиллический пейзаж для туристического буклета Министерства Экологического Благополучия XXII века.

Но текстура этой идиллии изменилась навсегда.

Глеб стоял на смотровой площадке, выдолбленной высоко в стене ущелья. Их старый дом, первая пещера, был покинут месяц назад — мицелий начал слишком агрессивно осваивать тесное пространство, пробивая фрактальные узоры прямо сквозь титановые переборки шлюза. Новая резиденция напоминала ласточкино гнездо, сплетенное из окаменевшего дерева, живого кремния и костей древних ящеров. Архитектором выступала Кира. Она управляла экосистемой жестами, вплетая флору мезозоя в инфраструктуру убежища. Лозы дикого винограда теперь служили поручнями лестниц, а гигантские светящиеся грибы заменяли потолочные люстры.

Инструкции больше не существовало. Глеб сжег бумажную копию Наставлений СХБ в ритуальном костре на вто-

рую неделю блокады. Сначала это вызвало у него физическую ломку. Его мозг, привыкший получать готовые решения каждые двенадцать часов, заходился в истерике. Первые десять дней бессонницы он провел, чертя схемы протоколов эвакуации пальцем в пыли, пока Кира не забрала у него стилус и не вложила в руку настоящий камень — рубило из черного обсидиана.

— Руби мясо, а не бумагу, — сказала она тогда. — Ты ешь оленину три раза в день, инспектор. Пора научиться ее добывать.

Теперь Глеб умел свежевать тушу каменным ножом быстрее, чем раньше вскрывал вакуумный паек. Его руки загрузбели, покрылись сеткой шрамов и въевшейся грязью, которую невозможно было смыть местной водой. Он похудел, черты лица заострились, приобретя ту суровую резкость, которая бывает у людей, живущих на границе выживания. Броня инспектора лежала сваленная в дальнем углу грота, заросшая белой пушистой плесенью, похожей на благородный сыр. Он носил штаны из плохо выделанной кожи и жилет из чешуйчатого меха местного грызуна, отдаленно напоминающего бобра.

Его левое плечо, поврежденное падением капсулы, ныло к дождю. Раньше бы он принял дозу синтетического аналь-

гетика из аптечки. Сейчас он просто ждал заката — Кира готовила отвар из коры, снимавший воспаление лучше любой химии, оставляя после себя приятное покалывание на языке, будто пьешь жидкое электричество.

— Доклад по периметру, зритель, — раздался сзади скрипучий, насмешливый голос.

Глеб обернулся. У лестницы стояла Кира. Изменения в ней пугали и завораживали одновременно. Она больше не скрывала трансформацию. Ее кожа приобрела постоянный оливковый оттенок с перламутровым отливом. Вены под запястьями слабо флуоресцировали синим, особенно когда она волновалась или использовала свои новые способности. Волосы отрасли ниже лопаток и теперь жили собственной жизнью — отдельные пряди иногда едва заметно шевелились, реагируя на изменения влажности воздуха. Она отказалась от одежды полностью, предпочитая драпироваться в живые лианы орхидей, которые питались влагой ее тела и взамен очищали ее кровь от токсинов Службы. Единственной данью человеческому тщеславию оставался тонкий серебряный браслет на лодыжке — кусок металла от обшивки их капсулы, единственный артефакт прошлого, который она оставила.

— Юго-западный сектор чист, — отпартовал Глеб, ма-

пинально вытягиваясь по стойке смирно, прежде чем понял абсурдность жеста и расслабился. — Два диплока, пасутся у водопоя. Северо-восток — семейство дейнонихов греется на камнях. Дистанция тысяча двести метров. Не подходят, чувствуют твою... ауру.

Кира усмехнулась, обнажив зубы, которые стали чуть более острыми и белыми, чем положено человеку.

— Они чуют хлорофилл. Для них я дерево, которое умеет рычать. Очень невкусное дерево. Как прошел урок истории?

Глеб поморщился. После падения Сети единственным источником знаний стал он сам. Кира требовала рассказов каждый вечер. Ей нужно было понимать контекст цивилизации, которая пыталась ее убить.

— Рассказывал ей про Французскую революцию, — вздохнул Глеб, поправляя шкуру на плече. — Про гильотину. Она задала отличный вопрос.

— Какой? — Кира подошла вплотную. От нее пахло озоном, медом и влажной землей.

— Почему люди убивают друг друга ради идей, если можно просто договориться о разделе территории, как делают тираннозавры. Я не нашелся, что ответить. Сказал, что идеи занимают меньше места, чем пастбища.

Они стояли у края площадки, глядя вниз, в изумрудную

чашу долины. Там, среди папоротников высотой с пятиэтажный дом, двигалось белое пятно. Капитан Райт.

За три месяца мицелий закончил свою работу. От человека осталась только внешняя оболочка. Рост метр восемьдесят пять, широкие плечи, идеальная армейская выправка. Белая, почти фарфоровая кожа без единого волоска — волосы выпали первыми, замененные тонким налетом серебристой пыли, похожей на иней. Лицо сохранило черты, но утратило мимику. Мышцы лица атрофировались за ненадобностью. Вместо глаз — две гладкие жемчужные линзы, затянутые пленкой. Рот превратился в тонкую сомкнутую щель, скрытую под слоем бледной губчатой ткани. Он не дышал в привычном смысле — вентиляция шла через поры по всей поверхности тела.

Райт патрулировал границу леса. Он передвигался плавно, скольльзящим шагом, невозможным для существа с костным скелетом. Его движения подчинялись коллективному разуму колонии спор, частью которой стала Кира. Он был идеальным стражем. Бесшумным, неуязвимым для местных хищников — любая тварь, попытавшаяся атаковать бывшего капитана, мгновенно получала инъекцию парализующих энзимов через споры, оседающие на шерсти. Он собирал для них фрукты, относил убитых Глебом животных в ледяные расщелины для хранения и, главное, служил антенной. Каж-

дые семьдесят два часа золотые нити мицелия на его черепе начинали мелко вибрировать. Он выходил на открытое место, поворачивал свое бесстрастное лицо к небу, и Кира могла слышать переговоры кораблей Службы, пролетающих по высокой орбите. Пока они соблюдали договор. Никто не спускался. Орбитальный контроль держал дистанцию, боясь вдохнуть местный воздух.

— Он выглядит счастливым, — задумчиво произнесла Кира, кладя подбородок на плечо Глебу. Живые лианы на ее плечах потянулись к лицу инспектора, касаясь его небритой щеки мягкими лепестками. — Никаких совещаний. Никаких отчетов. Вечный отпуск. Идеальный выход на пенсию по программе СХБ.

— Нам нужен четвертый, — вдруг сказал Глеб. Голос прозвучал хрипло. Он взял ее руку. Ладонь Киры была сухой и странно горячей, пульсирующей изнутри собственным солнцем. — Срок подходит. Еще шесть-семь недель. Я перечитал твои медицинские выкладки сто раз. Анатомия меняется. Тазовые кости расходятся. Ты кричала вчера ночью.

Кира напряглась. Лианы на мгновение ошетинились мелкими иглами, тут же спрятав их обратно. Беременность протекала не по земным учебникам акушерства. Организм адаптировался стремительно. Сердце плода имело три камеры, а

кровеносная система частично состояла из проводящих волокон, аналогичных древесным сосудам. УЗИ делать было нечем, поэтому Кира сканировала себя сама внутренним чутьем, вызывая у Глеба приступы первобытного ужаса и восторга, когда она водила светящейся рукой по животу, показывая ему тени маленьких, идеально сформированных позвонков.

— Боль — это просто архитектура, — ответила она, отворачиваясь к долине. — Здание перестраивается, пока жильцы внутри. Старые балки трещат. Сегодня ночью началось раскрытие шейки. Один сантиметр. Тренировочные схватки Брэкстона-Хикса смешались с выбросом алкалоидов. Природа экономит ресурсы, используя один механизм для двух задач.

— Ты можешь остановить это? — спросил Глеб с надеждой, которую ненавидел. — Замедлить метаболизм? Продержать его там еще год? Нам нужны инструменты. Стерильность. Антисептики.

Кира резко повернулась. Ее глаза потемнели, став почти черными впадинами. Бирюзовое свечение кольнуло воздух вокруг нее.

— Замедлить? — переспросила она опасно тихо. — Этот ребенок, Глеб, переваривает плутоний, который мы вдохну-

ли при крушении реактора капсулы. Его почки фильтруют споры, от которых сдохнет взвод космодесанта. Каждая моя клетка работает на износ, чтобы построить ему сердце, совместимое с двумя эволюциями сразу. Не смей предлагать мне превратить его в мумию в собственном животе ради твоего комфорта! Он выйдет вовремя. Так, как решит его биология. И принимать его будешь ты.

Она оттолкнула его. Толчок был легким, но Глеб пошатнулся, отступив на шаг назад. Агрессия схлынула так же быстро, как появилась. Кира закрыла лицо руками, и ее плечи затряслись. Но звука не было. Она не плакала слезами — из уголков ее глаз выступили две капли густой, вязкой янтарной смолы, застывающей на тепле кожи.

— Прости, — прошептала она в ладони. — Я боюсь. Ваше человечество придумало тысячи богов, операционные столы и эпидуральную анестезию. А у меня есть только острые камни, твоя любовь и инструкция номер четыре-бис, которая заканчивается на пункте «пережить падение». Дальше пустота. Я не знаю, как перерезать пуповину, чтобы не занести инфекцию. Я не знаю, выживет ли молоко в моих грудях, пропитанных цианидом. Я чувствую себя лабораторной крысой, которая должна провести лоботомию сама себе.

Глеб преодолел расстояние между ними. Он не пытался

ее обнять — объятия сейчас были бы нарушением границ ее боли. Он просто встал рядом, плечом к плечу, глядя на белого голема внизу.

— Инструкция закончилась, — повторил он те слова, что говорил ей в первую ночь в пещере. — Значит, мы пишем новую. Пункт первый: вода кипит при ста градусах. Мы проверяли. Пункт второй: огонь греет. Пункт третий: если держать новорожденного головой вниз и хлопнуть по спине — он закричит. Я читал об этом в архивном романе двадцатого века. Автор Толстой. Кажется, это надежный источник.

Кира издала странный звук — нечто среднее между всхлипом и кудахтаньем. Она опустила руки. Смола на щеках треснула.

— Лев Николаевич Толстой — сомнительная педиатрическая рекомендация, смотритель.

— Лучшая из доступных, гражданка Вересова, — серьезно кивнул Глеб. — Прикажете готовить родильную палату?

Кира посмотрела на него долгим взглядом, в котором бо-ролись генетик, монстр и испуганная девочка. Затем она медленно улыбнулась. Улыбка преобразила ее пугающее лицо, сделав почти красивой той дикой, первобытной красото-й, от которой у Глеба всегда перехватывало дыхание.

— Прикажу. Начни кипятить воду. Много воды. И най-ди самые мягкие листья папоротника. Наш сын заслуживает

постельное белье премиум-класса.

Она взяла его за руку, переплетая свои светящиеся пальцы с его грязными, мозолистыми. Их сцепленные руки создавали причудливый узор из человеческого пепла и инопланетного огня.

Солнце Эдема — огромный золотой шар плазмы, подвешенный генератором под куполом — начало клониться к западу, окрашивая небо в оттенки запекшейся крови и расплавленного золота. Где-то в лесу трубно заревел диплок, бросая вызов наступающей ночи. Им ответили рыком молодые дейнонихи.

Мир жил своей жизнью. Мир, который больше никому не принадлежал. Ни Службе, ни Предтечам. Только двоим людям, стоящим на краю скалы, и существу, растущему внутри одной из них вопреки всем законам физики, биологии и здравого смысла.

Глеб свободной рукой притянул Киру к себе. На этот раз она не сопротивлялась. Она прижалась лбом к его ключице, впитывая тепло его тела.

— Шесть недель, — повторил он, вдыхая запах ее волос.
— Я успею дочитать «Войну и мир».

— Только пропусти военные советы, — сонно пробормотала она. — Переходи сразу к первым главам про роды графини. Там хотя бы описан правильный массаж промежности.

Они долго стояли так, сливаясь с тенями скал, пока последние лучи искусственного солнца не погасли, погружая Эдем в бархатную, звенящую насекомыми темноту. Над их головами, сквозь невидимый хрусталь купола, равнодушно смотрели холодные звезды Земли XXI века. Звезды чужой вселенной, в которую им больше не было дороги. Да они и не хотели возвращаться.

Глава 23. Тайная лаборатория

«Инструкция по биоэтике запрещает использовать плоды родной планеты в качестве инкубатора для чужеродных маркеров. Но инструкция не учитывает вкус настоящей клубники».

Блок А: Пространство сокрытия (Экспозиция через архитектуру)

Нижние технические палубы орбитальной станции СХБ-4 представляли собой скелет левиафана, выброшенного на берег мертвой вселенной. Этот сектор — уровень минус двена-

дцать, глубоко под тюремным блоком «Омега» и криогенными складами Корпорации — был архитектурной ересью. Его не существовало ни в одном официальном реестре Департамента урбанистики. Сюда вели только вентиляционные шахты аварийного сброса давления диаметром в человеческий рост да сервисные тоннели для дронов-обходчиков четвертого поколения, чьи оптические сенсоры были намертво защищены директивой игнорировать любые температурные аномалии ниже минус восьмидесяти градусов.

Глеб потратил сорок три дня реального времени, чтобы проложить этот путь. Он двигался сквозь кишки станции, используя украденные у инженеров-теплотехников пропуск второго уровня, которые он клонировал с помощью самодельного ридера, собранного из деталей утилизированного пищевого синтезатора. Он провел Киру Вересову через лабиринт покрытых черной кристаллической изморозью труб хладагента. Здесь звук их шагов тонул в монотонном, давящем на психику гуле насосов, перекачивающих жидкий азот со скоростью десять тысяч литров в минуту. Каждый шаг отдавался вибрацией в зубах.

После стерильного белого мрамора Управления, после бездушного хирургического блеска хрома и навязчивого запаха озона, которым пахло даже в одиночных камерах психиатрической очистки, тайная лаборатория ударила по орга-

нам чувств тяжелым молотом влажного сумрака.

Здесь царила невесомость, но генераторы гравитации были отключены не ради комфорта или экономии энергии. В условиях нулевой гравитации исключалось расслоение жидкостей; любая взвесь оставалась гомогенной. Кроме того, микрогравитация позволяла контролировать пыль. Любая пылинка, любой отмерший эпидермис оставались висеть в луче света идеальной неподвижной точкой, выдавая присутствие постороннего задолго до того, как сработают тепловые датчики.

Стены помещения покрывал толстый слой конденсата, напоминающий кожу больного лихорадкой. Капли воды срывались с гофрированного потолка, собираясь в ленивые, медленно вращающиеся сферы размером с кулак. Они сталкивались друг с другом беззвучно, сливаясь в более крупные капли, которые пульсировали собственной микросилой тяжести, притягивая мелкий мусор. Вместо привычного рева систем вентиляции здесь стояла глухая, пульсирующая тишина, которую нарушало лишь тяжелое, сырое дыхание самой лаборатории — звук миллионов невидимых процессов клеточного дыхания.

Воздух был густым. Он сопротивлялся легким при вдохе. Он пах влажной черной землей после майского ливня,

прелой осенней листвой, сладковатой гнилью перезревших фруктов и едва уловимым металлическим привкусом свежей крови. Это был запах старого подмосковного погреба, куда десятилетиями складывали урожай, забытый временем посреди мертвого космоса. Запах распада, который парадоксальным образом означал жизнь.

Единственная рабочая лампа холодного синего спектра свисала с потолка на толстом жгуте проводов в тканевой оплетке. Она освещала идеальный квадрат пространства вокруг массивного лабораторного стола из армированного полиполимера. За пределами этого светового пятна палуба тоннула во мраке такой плотности, что он казался осязаемым физическим объектом. Там, в чернильной пустоте, угадывались циклопические контуры промышленных рефрижераторов класса «Абсолютный ноль», предназначенных для хранения образцов палеогенетического материала Предтеч. Их корпуса покрыты слоем инея толщиной в две ладони, скрывающим глубокие шрамы сварки там, где Глеб вручную срезал внешние блоки телеметрии.

Вход в это святилище беззакония защищала не банальная электронная панель или оптический сканер сетчатки, который можно обмануть качественным муляжом глаза. Дверь представляла собой гладкую титановую переборку, в центре которой пульсировала живая мембрана — симбиотиче-

ский замок, выращенный Кирой из собственных модифицированных клеток эпителия. Чтобы открыть дверь, нужно было прижать ладонь к теплой, бархатистой плоти мембраны. Замок вздрагивал, втягивая каплю крови посетителя микроскопическими капиллярами, считывал гормональный фон, скорость оседания эритроцитов и уникальный рисунок пульса. Только убедившись, что вошедший испытывает страх, ярость или отчаяние — живые, нестабильные эмоции, собственные создателю, а не холодную отстраненность корпоративного дрона — мембрана размыкалась с тихим, влажным чавкающим звуком всасываемой жидкости.

Глеб остался снаружи. Его допуск заканчивался ровно на пороге этой биологической печати. Для него эта лаборатория была слишком тесной, обитой мягким пластиком могилой, воздух в которой давно закончился.

****Блок Б: Рождение сыворотки (Процесс вместо диалога)****

Кира работала одна. На ней все еще была стандартная оранжевая роба заключенного — грубая синтетика, которая за месяцы заключения натерла кожу под мышками и в паху до кровавых, постоянно мокнущих ссадин. Но поверх нее она набросила тяжелый свинцовый фартук рентгенолога старой школы, изъятый со склада радиационной защиты секто-

ра «Дзета». Свинец сковывал движения в невесомости, тянул плечи вниз, заставляя мышцы спины постоянно находиться в статическом напряжении, сжигая кислород впустую, но он был необходим. Процесс создания сыворотки сопровождался микровспышками жесткого гамма-излучения — побочным эффектом столкновения эпох, когда земная органика пыталась переварить внеземной кремний.

Ее руки двигались с пугающей, нечеловеческой точностью хирурга эпохи Просвещения, препарирующего редчайший экспонат кунсткамеры. Отсутствие гравитации играло ей на руку: ни одна капля, ни одна молекула драгоценного биоматериала не могла упасть на палубу и быть безвозвратно потерянной в системе фильтрации воздуха. Все подчинялось законам поверхностного натяжения и силовым линиям локального электромагнитного поля, которое Кира генерировала кольцевыми магнитами, закрепленными на запястьях.

Центральным алтарем ее преступления служил прозрачный ящик земной клубники. Плоды плавали внутри слабого голубоватого силового кокона, удерживающего их от удара о стенки при малейшей вибрации корпуса станции. Они выглядели вызывающе, оскорбительно живыми среди мертвого металла, тусклого пластика и вечной мерзлоты глубокого космоса. Каждая ягода сохраняла идеальную форму, глянцевого блеска семян на красной коже и тот самый аромат,

от которого у Киры, рожденной уже на станциях СХБ в пробирке государственного заказа, натурально кружилась голова. Это был запах хлорофилла и фруктозы, запах фотосинтеза — процесса, который Корпорация объявила экономически неэффективным и экологически опасным столетия назад, заменив его гидропоникой на основе переработанных белков насекомых.

Анатомия ее преступления требовала абсолютной, гробовой неподвижности. Крупный план реальности сузился до размеров микроскопа. Время измерялось теперь не ударами сердца, а миллисекундными импульсами тактильных датчиков в перчатках.

Кира выбрала одну ягоду. Идеальный экземпляр, размером чуть больше грецкого ореха, без единого белого пятнышка незрелости у плодоножки. Она поймала его свободной рукой, гася инерцию ловким поворотом кисти. Другой рукой, затянутой в тонкий экзоскальпель-перчатку из живой кожи, она сделала прокол. Микроигла вошла в центр плода бесшумно, раздвигая клетки, а не разрывая их.

То, что произошло дальше, противоречило всем законам агрономии и базовой биологии. Внутри ягоды не было рыхлой, сахаристой мякоти. Там, подсвеченное лучом лампы, билось алое сердце. Земные маркеры ДНК ребенка, внедрен-

ные в структуру плода неделей ранее через систему микрокапельного полива, вступили в каскадную реакцию с местной мутацией палеогена. Кровь будущего смешивалась с кровью прошлого в неравном бою. Клетки клубники пытались переварить человеческую генетику, принимая ее за агрессивный вирус, мутирующий их митохондрии, но вирус оказался сильнее хозяина. Он переписывал ядро каждой клетки, превращая растительную ткань в подобие стволовых клеток человека.

Кира ввела в сердцевину ягоды катализатор. Это была прозрачная субстанция, собранная ею из спор плесени, выросшей на фильтровальных решетках душевых блока «Омега» — грибка, мутировавшего от постоянного воздействия стоков нейролептиков и тяжелых транквилизаторов, которыми пичкали заключенных перед процедурами ментальной коррекции. Споры вошли в пульсацию плода, словно ключ в замок зажигания.

Клубника начала светиться изнутри. Сначала тусклым багровым светом умирающего угля, затем цвет начал стремительно меняться, проходя спектр вверх. Глубокий фиолетовый, почти ультрафиолетовый свет пробивался сквозь семена, окрашивая пальцы Киры в трупные тона. Плод бился в ее руке, как пойманная птица, пытаясь сбросить чужеродный геном, исторгнуть яд, вывернуться наизнанку.

Она подставила под него стеклянный шприц без иглы — полую трубку из чистого кварца, вытянутую вручную над плазменной горелкой. Одно точное движение пальцами, легкий поворот кисти, создающий зону отрицательного давления. Сок выделялся неохотно, словно сама ягода понимала свою участь и сопротивлялась смерти до последнего. Темно-фиолетовая, вязкая жидкость поднималась по трубке миллиметр за миллиметром.

Кира плавно отвела шприц. Капля зависла в воздухе прямо перед ее лицом, удерживаемая ловушкой силового поля, настроенной на полярность молекул катализатора. В невесомости, избавленная от силы тяжести и трения о стеклянные стенки сосуда, она приняла форму идеальной сферы. Диаметр ровно четыре миллиметра. Поверхность капли дрожала, переливаясь всеми оттенками аметиста и перламутра. Внутри нее просматривалась сложная геометрическая структура — формирующаяся двойная спираль, сплетенная из земной фруктозы и внеземного кремнийорганического базиса. Она напоминала миниатюрную галактику, сжатую до размера слезинки.

Сфера жила. Она испускала тепло, которое ощущалось кожей лица даже сквозь фильтры респиратора — мягкое, обволакивающее тепло летнего полудня. Любое колебание

воздуха, любое неверное микродвижение плеча, любой скачок напряжения в лампах над головой — и сфера схлопнется. Электростатическое равновесие будет нарушено, фиолетовая жидкость распадется на бесполезную серую взвесь, и эксперимент придется начинать заново, сжигая очередную драгоценную ягоду из того крошечного запаса, что чудом спас Глеб при эвакуации с Земли, спрятав контейнер с семенами в брюшной полости убитого им охранника.

Кира задержала дыхание. Время перестало существовать. Были только она, ее пульсирующий мозг, загоняющий тело в режим жесткой экономии кислорода, и идеальная фиолетовая сфера между ними.

****Блок В: Анатомия саботажа (Этический выбор)****

Дверь открылась беззвучно. Симбиотическая мембрана пропустила гостя внутрь, проглотив его идентификационный код вместе с новой порцией крови и замерив уровень кортизола, который превышал норму здорового человека в семь раз.

Кира не слышала шагов. В секторе криогеники звуки поглощались многослойной изоляцией рефрижераторов так же эффективно, как вакуум поглощает крик. Она поняла, что больше не одна, только когда периферийное зрение зафик-

сировало изменение теней. Тень от шприца в ее руке удлинилась, перечеркнутая темным, идеально прямым силуэтом человека. Температура в помещении упала на полтора градуса за секунду — автоматика тяжелого бронекостюма отсекла внешнее излучение.

На пороге стоял Офицер коррекции. Тот самый аудитор систем жизнеобеспечения центрального узла, чья безупречная репутация служила лучшим пропуском в закрытые сектора. Серый мундир сидел на нем идеально, отражая свет единственной лампы сухим, канцелярским блеском. Лицо было лишено эмоций, кожа натянута на скулы туго, как барабан. Глаза цвета выцветшей стали методично сканировали помещение слева направо: конденсат на стенах, черные монолиты рефрижераторов, оранжевые всполохи робы Киры и, наконец, саму сферу, застывшую в воздухе между ней и дверью.

Впервые за долгие месяцы заключения, бесконечных допросов, психологического прессинга и кровавого побега, Кира Вересова не ощерилась, не бросила едкую фразу об интеллектуальной несостоятельности Корпоративных цепных псов. Она замерла. Ее тело превратилось в натянутую струну моно-жилы, готовую лопнуть от любого резонанса. Фиолетовая капля между ней и Офицером задрожала, реагируя на выброс адреналина из надпочечников. Сфера вытянулась,

приобретая форму дыни, края пошли мелкой рябью, готовая лопнуть от малейшего вздоха.

Роли поменялись. Охотник пришел к загнанному зверю, но обнаружил, что зверь держит нож у горла собственного детеныша, и сам охотник внезапно осознал, что является таким же загнанным животным.

— Несанкционированный экспорт биоматерии Земли, — голос Офицера звучал ровно, транслируемый скрытым декодером, встроенным в воротник-стойку. Ни удивления, ни страха. Сухая констатация протокола, зачитывание статьи уголовного кодекса. — Уровень угрозы — Альфа. Согласно пункту четырнадцать дробь восемь устава безопасности, станция подлежит немедленному переводу в режим полного карантина. Экипаж будет подвергнут принудительному ментальному форматированию третьего уровня. Вы будете утилизированы путем распыления на атомы без права сохранения личностной матрицы.

Кира не повернула головы. Ее взгляд был прикован к сфере. Она плавно, миллиметр за миллиметром, повела кистью, гася колебания электромагнитным импульсом пальцев.

— Если я впрысну это плоду прямо сейчас, — прошептала она, и слова вязли в густой атмосфере лаборатории, растворяясь в запахе земли, — маркер двадцать первого века скро-

ется под маской местной эволюции. Ваши хваленые корпоративные сканеры увидят просто мутировавшую амфибию. Очередной каприз климата палеогена, химическую аномалию в болотной воде. Ребенок выживет внутри купола Предтеч. Человеческий род получит второй шанс. Не ваш кастрированный, евгенически чистый вариант, а настоящий. Право на ошибку, заложенное в ДНК.

Офицер сделал шаг вперед. Подошвы его магнитных ботинок коснулись палубы с едва слышным гулом активации полей. Он смотрел не на Киру, а на пульсирующую сферу.

— Ты изменишь геном человечества навсегда, — возразил он. В его тоне не было обвинения, только усталая математика неизбежности, холодный расчет рисков. — Ты нарушишь чистоту линии Адама. Проект «Часовой механизм» строится на строгой изоляции хронопотоков. Любой внесенный извне фактор создаст эхо. Парадокс раздавит реальность. Мы получим коллапс волнового фронта...

— Чистота линии привела нас к Хронофаге! — резко оборвала его Кира. Впервые в ее голосе прорезалась сталь, способная резать титан. Она посмотрела ему прямо в глаза цвета выцветшей стали. — Ваша пресловутая чистота — это медленная смерть в хрустальном гробу вашей же морали. Вы довели вид до эволюционного тупика. Вы создали людей, которые боятся дышать глубже, чтобы не нарушить баланс уг-

лекистого газа. Размножение — это акт биологического терроризма против стабильности вида? Пусть так. Я выбираю терроризм.

Наступила пауза. Она длилась ровно семь секунд. По внутренним часам Киры они растянулись в часы ожидания расстрельной команды, наполненные звоном крови в ушах. Офицер смотрел на фиолетовую сферу. Затем его взгляд скользнул мимо нее, туда, где в темноте отсека мерцал экран терминала внешней телеметрии. На экране бежали строки данных энергопотребления сектора. Скрытый реактор, питающий лабораторию, выдавал термодинамические аномалии, которые невозможно было списать на сбой старых охладителей. Математика лжи столкнулась с физикой правды.

Он посмотрел на Киру. В его глазах впервые мелькнул отблеск чего-то человеческого — холодный, циничный расчет переменной, которой нет в уравнении. Он понял, что она права. Не морально. Математически. Уничтожить шприц значило подписать смертный приговор ребенку, спрятанному в прошлом. Это означало провал миссии всей станции, миллиардные убытки Корпорации и признание того, что система дала сбой, что крыса смогла перегрызть фундамент здания.

Но оставить сыворотку... это было должностное преступ-

ление категории Омега. Изменение генома — табу, страшнее ядерного холокоста. Это подпись под аннулированием лицензии самого Бога, если бы он работал в штате Корпорации.

Офицер медленно моргнул. Его зрачки расширились, адаптируясь к полумраку.

— Блокировка периметра, — бросил он в пространство, активируя личный канал связи командного модуля. Голос стал механическим, лишенным тембра. — Отмена тревоги в секторе минус двенадцать. Регистрирую ложный скачок напряжения из-за деградации изоляции кабеля Л-двести сорок. Ответственный техник направлен. Код доступа подтвержден. Свободен.

Его палец коснулся браслета на запястье. Внешние датчики коридора погасли один за другим. Тепловизоры слепы. Акустические сенсоры теперь транслировали записанный часом ранее шум работающего насоса высокого давления.

Он не сказал больше ни слова. Просто отвернулся. Сделал шаг обратно к двери, спиной к женщине со шприцем, полным краденого времени. Симбиотическая мембрана сомкнулась за его спиной, выпуская его из этого склепа заблудшей биологии и возвращая статус-кво божеству, кото-

рое только что совершило первородный грех отступничества.

Первое должностное преступление безупречного инспектора свершилось в полной тишине, под аккомпанемент тяжелого дыхания женщины и пульсации живого плода, которому предстояло стать ковчегом.

****Блок Г: Сенсорная цена (Физиология напряжения)****

Как только тяжелые магнитные шаги в коридоре стихли, окончательно растворившись в низкочастотном гуле магистральных насосов, Кира резко выдохнула. Воздух вырвался из легких с сипением проколотой шины. Звук показался ей оглушительным выстрелом.

Невесомость сыграла с ней жестокую шутку. Адреналиновый спазм, сжавший диафрагму в момент появления Офицера, передал хаотичный импульс по моторным нейронам к мышцам рук. То, что на Земле осталось бы незамеченным благодаря силе тяжести, прижимающей тело к земле и стабилизирующей тремор, в нулевой гравитации стало катастрофой. Ее правая кисть дрогнула. Всего на долю градуса. На толщину человеческого волоса. На расстояние, отделяющее спасение от провала.

Фиолетовая капля, потерявшая вектор поддержки силовых линий, качнулась. Медленно, грациозно, словно в дурном сне, снятом рапидом, она поплыла вбок, пересекая границу освещенного квадрата. Коснулась края полиполимерного стола.

Последствия контакта проявились мгновенно, нарушая законы химии и здравого смысла. Там, где первая молекула сыворотки соприкоснулась с холодным пластиком столешницы, началась неконтролируемая митоза. Металл начал покрываться слоем живой, дышащей плоти. Клетки земной клубники, оплодотворенные спорами палеогена и усиленные нейролептическим грибком, восприняли полимер как идеальную, богатую микроэлементами питательную среду. Они начали строить органический мост. Лаборатория буквально пожирала сама себя: серый пластик пучился, трескался, выпуская наружу красные, пульсирующие побеги, оплетающие ножки стола подобно терновнику из кошмаров. Полимер истончался, уступая место сосудистой ткани.

Реакция Киры на уничтожение результатов недельного непрерывного труда, стоившего ей трех часов сна в неделю и сожженных нервных окончаний, была пугающе будничной. Она не закричала. Паника сгорела в ней дотла еще год назад, в день падения первых метеоритов, когда она смотрела на сгорающие города через иллюминатор эвакуационного чел-

нока.

Она перехватила шприц левой рукой, фиксируя его между большим и указательным пальцем. Правой выхватила из нагрудного кармана экзоскальпель. Резкое, экономное движение — лезвие прошло сквозь проросшую плоть, как сквозь воду — и лоскут новообразованной органики, успевший достичь размера человеческой ладони, отделился от стола. Он продолжал слабо пульсировать в ее пальцах, источая пригорный запах ферментации и дешевого больничного антисептика. Кира швырнула его в приемник корабельного утилизатора. Агрегат довольно заурчал, перерабатывая неудавшееся творение в чистую тепловую энергию. Красные искры вспыхнули и погасли.

Затем она снова поймала в силовой плен новую клубнику. Ягоды в ящике стремительно убывали. Осталось не больше десятка. Каждая ошибка теперь обходилась в целую человеческую судьбу.

Ее руки больше не дрожали. Преступление совершено. Пути назад, в уютную камеру ожиданий, в смиренную смерть по расписанию, в теплое забытие нейроинъекций, больше не существовало. Теперь ставки были максимальными. Адреналин вымыло ледяной волной фатализма. Каждое ее движение стало текучим, как ртуть, точным, как работа швей-

царского хронометра. Она больше не боялась аудиторов, рефрижераторов или физической боли. Она стала хирургом, отрезающим раковую опухоль времени, и ее рука была тверда как обсидиан.

Новая сфера сформировалась быстрее. Она была чуть меньше первой, около трех с половиной миллиметров, но горела ровным, уверенным светом сверхновой, заполняя лабораторию призрачным сиянием.

****Блок Д: Подготовка к заброске (Мостик к следующей главе)****

Упаковка заняла девяносто секунд. Кира поместила готовый шприц в индивидуальный стазис-контейнер. Снаружи он выглядел как стандартный медицинский бокс для перевозки донорских органов — белый, неприметный, с термоизоляционным слоем из фольги. Но стенки контейнера были сделаны из фрагмента обшивки капсулы времени, которую Максим нашел в руинах древнего города Предтеч. Специфический сплав работал как клетка Фарадея для хроночастиц — он полностью гасил любую хроновибрацию, изолируя содержимое от потока времени. Контейнер делал сыворотку невидимой для темпоральных сканеров Корпорации. Пока он закрыт, ребенок может пронести XXI век хоть в эпоху докембрийского взрыва, и приборы будут показывать лишь

естественный радиационный фон.

Символическая деталь завершала ритуал инициации. Прежде чем захлопнуть крышку замка, основанного на принципах квантового запутывания частиц, Кира протянула руку к ящику. Она взяла одну целую, неповрежденную ягоду. Ту самую, что светилась ярче других, чей фитосвет пробивался даже сквозь кожу.

Она положила ее в рот, аккуратно разместив за щекой, языком прижав к коренным зубам.

Это был двойной акт. С одной стороны — дерзкая контрабанда, последний привет системе безопасности, которая обыщет ее перед транспортировкой транзитным шлюзом и ничего не найдет (биологический сканер примет слюну за естественную секрецию обезвоженного организма). С другой — тактильный якорь. Напоминание о вкусе дома. Сахарная пыль на языке, зернистая текстура семян, кисло-сладкий взрыв сока, стекающего по гортани — единственное настоящее физическое ощущение, оставшееся в ее жизни перед долгим путем в грязь, кровь, аммиачный смрад болот и радиоактивную пыль палеогена. Перед встречей с хищниками, которых человечество никогда не видело, потому что те вымерли за миллионы лет до появления первой амебы.

Ягода приятно холодила десну. Это был вкус солнца.

Внешний сигнал изменился внезапно, разрушив интимность момента. Над дверью лаборатории вспыхнул зеленый индикатор прохода. Тихая сирена желтого уровня, давившая на перепонки последние сутки непрерывной работы, исчезла, сменившись разрешающим щелчком реле. Голос Наблюдателя — холодное, отстраненное шипение, контролирующее каждый вдох Киры через имплант в основании черепа, подавляющее выработку дофамина — больше не вторглся в ее мысли. Канал был чист. Маскировка Офицера сработала безупречно. Система видела лишь дежурный температурный скачок неисправного кабеля.

Кира выключила единственную лампу нажатием сенсорной пластины на столе.

Идеальный квадрат света погас. В наступившей темноте станция погрузилась в привычный багровый аварийный полусвет нижних палуб, работающий от резервных аккумуляторов. Красные отсветы заиграли на влажной коже Киры, превратив ее лицо в маску демона из средневековых икон, высеченную из гранита.

По общей громкой связи прошел приказ. Механический, лишенный пола и возраста голос диспетчера эхом отразился

от металлических стен, многократно дублируясь:

— Внимание всем постам. Заключенная Вересова, номер семнадцать тысяч четыреста два, переводится в транзитный блок Дельта. Готовность к синхронизации порталов — пять минут. Охране обеспечить беспрепятственное сопровождение согласно протоколу экстрадиции бета. Вооружение применять запрещено, объект несет ценную биологическую нагрузку.

Пять минут. Столько времени требуется автоматике шлюза, чтобы провести дезинфекцию паром, проверить целостность магнитной колеи и состыковать стыковочный рукав. Сто ударов ее истощенного сердца.

Кира прижала ледяной стазис-контейнер к груди. Холод обжег оранжевую ткань робы, проникая сквозь нее к солнечному сплетению, успокаивая бешено скачущий пульс. Она посмотрела на зеленую пунктирную линию пола, указывающую направление к выходу. Линия пульсировала в красном свете, как артерия раненого животного.

Там, за поворотом коридора, в ярко освещенном сегменте охраны, ее уже ждал Глеб. Он не знал, что именно она несет в белом контейнере. Он видел только победу — выход своей сообщницы из зоны, откуда не возвращаются даже пеплом. Он улыбался той широкой, хищной улыбкой победителя, от

которой у нормальных людей стыла в жилах кровь.

Кира шагнула в коридор. Багровый свет сменился на слепяще-белый люминесцентный поток шлюза. Температура упала сразу на десять градусов — автоматика переходного отсека начинала цикл охлаждения перед стыковкой.

Она шла навстречу ожидающему ее мужчине, крепко прижимая к себе похищенное время, чувствуя языком вес тяжелой, холодной ягоды за щекой. Она прятала за щекой вкус погибшей Земли, последнюю материальную связь с планетой-мамой, и впервые за много лет улыбалась краешком губ. Война перешла из фазы выживания в фазу активного, точечного саботажа. И первый выстрел только что прозвучал в самом сердце вражеской цитадели, оставшись абсолютно неслышным для тех, кто привык слушать только отчеты приборов.

Глава 24. Внешняя угроза

****Эпиграф:**** *«Инструкция по внедрению во вражеский таймлайн запрещает дышать одним воздухом с целью более пятнадцати секунд. Цель дышит каждые четыре секунды».*

Блок А. Вторжение через слепую зону (Архитектура взлома)

Пространство между Управлением Службы хронологической безопасности и темпоральным карманом Синдиката Переписчиков официально именовалось Нулевым сектором. На оперативном жаргоне — «Слепая зона». Глеб никогда не думал, что граница миров может пахнуть больничной хлоркой. Здесь не было ни звездной бездны за иллюминатором капсулы, ни влажного смрада мезозойских болот. Только бесконечный серый кафельный коридор, уходящий в никуда, стены которого слегка подрагивали и искажались на периферии зрения, словно воздух над раскаленным асфальтом.

Они перемещались внутри мертвой петли времени. Кира называла это крошечным пузырем стазиса, но для Глеба это больше напоминало стеклянную банку из-под маринованных огурцов, которую катили вдоль плинтуса невидимые великаны. Внутри пузыря царила абсолютная тишина и невесомость. Единственный звук, который позволялось слышать их барабанной перепонке — низкочастотное гудение реактора капсулы да собственное дыхание напарников. Воздух здесь был стерилен до тошноты. Он лишен запахов XXII века — озона после грозы, синтетического кофеина, разогретого пластика рабочих станций. Эта пустота вызывала у Глеба дезориентацию куда более острую, чем любая жара юрского периода или разреженный воздух палеолита. Мозг бун-

товал, требуя привычных раздражителей, которых не существовало.

Кира вела капсулу вручную. Ее пальцы летали над сенсорной панелью, которая давно потеряла цвет от постоянного трения. Она искала точку проникновения не по тепловому следу или электромагнитному всплеску. Она слушала микровибрации плиточного клея.

— Левее на два миллиметра, — прошептала она, хотя акустика пузыря съедала любые звуки громче шепота. — Там микротрещина. Заводской брак при укладке периметра двадцать третьего года. Они сэкономили на затирке.

Глеб молча кивнул. В этой миссии его педантичность была бесполезна без ее безумия. Капсула мягко коснулась стены. Плитка не разъехалась створками ангара, как предписывала техника безопасности Управления. Она поплыла. Твердый керамогранит превратился в вязкую, абсолютно черную жидкость, похожую на кипящую нефть. Жидкость раступилась, пропуская пузырь внутрь логова врага, и тут же сомкнулась за ними, оставив лишь идеально ровный шов, неразличимый для любых сканеров.

Блок Б. Анатомия чужого завтрака (Контраст цивилизаций)

Столовый блок Синдиката выглядел так, будто архитекторы взяли обычную заводскую столовую, пропустили ее через мясорубку и залили формальдегидом. Вместо столов пульсировали биокресла — огромные кожистые мешки, подключенные прозрачными шлангами к потолочным венам здания. По шлангам медленно текла густая желтоватая суспензия. Освещение отсутствовало. Светились сами стены, переваривая органику; они источали тусклый, болезненно-лиловый фосфоресцирующий свет, в котором тени казались живыми дырами в пространстве.

В центре зала находился тот самый хищник — бронированная кибернетическая гиена. Но она не патрулировала периметр, задрав механический хвост. Она сидела. Вернее, полулежала в самом большом биокресле, которое услужливо массировало ее титановые сервопротезы лап. Перед ней стояла тарелка. Обычная керамическая тарелка, выглядевшая дико неуместно среди пульсирующей плоти интерьера.

Глеб поднял оптический зум шлема. То, что он принял за экзотическое блюдо, заставило его желудок совершить кульбит. Гиена ела не мясо. Она методично поглощала застывшие в янтаре темпоральные узлы — золотые нити других временных линий, свернутые в тугие спирали. При каждом укусе массивные челюсти смыкались с глухим гидравлическим лязгом. Пространство вокруг вздрагивало. Рябь шла по

стенам, по полу, по самому лицу Глеба. На долю секунды герои видели фрагменты жизней, которые эта машина только что стерла из реальности:

Маленький мальчик тянет руки к воздушному змею, привязанному к балкону хрущевки.

Падение Рима — клубы пыли, скрывающие Колизей, и одинокий легионер, опускающий гладиус.

Запуск первого спутника — короткий радиописк «бип-бип», растворяющийся в холодной пустоте космоса.

Это был не просто охранник. Это Главный Архивариус Синдиката. Его пищеварительная система, совмещенная с квантовым процессором, расщепляла историю на базовые частицы, чтобы поддерживать стабильность своей ветки времени. Каждый проглочный узел делал купол Эдема чуть тоньше, а реальность конкурентов — чуть тверже.

Блок В. Биологическое проникновение (Отказ от стелса)

Путь к ядру управления лежал через мембрану главного шлюза. Полупрозрачная радужная пленка дрожала в конце зала, перекрывая проход в технические тоннели.

— Стелс-модули? — одними губами спросил Глеб.

Кира отрицательно качнула головой, не отрывая взгляда от жующей машины.

— Мембрана реагирует на ДНК сотрудников Синдиката. Любое инородное тело вызывает аннигиляцию объема. Твои хваленые инструменты сейчас превратят нас в двухмерные фрески на стене.

Стазеры, плазменные резакы, гравитационные крючья — весь арсенал инспектора оказался грудой мертвого железа перед лицом биотехнологического барьера.

— Придется стать своими, — сказала Кира. Она опустилась на корточки, игнорируя сочащуюся со стен слизь, и открыла свинцовый ларец. Внутри, в гнездах из черного поролона, покоились десятки ампул с мутной жидкостью.

— Ты собираешься надеть чужой эпидермис? — уточнил Глеб. — У нас нет синтезатора кожи такого класса.

— Я собираюсь вырастить его изнутри, — ответила она.

Она выбрала ампулу с маркировкой «Тех-Био, образец 41-Бета». Образец одного из техников Синдиката, чей труп они нашли еще в палеогене, извлекая генетический материал прямо из окаменевшего ила.

— Закрой глаза, инспектор, — бросила она. — И если меня начнет рвать собственными легкими — не вмешивайся.

Кира сорвала колпачок зубами и вонзила иглу себе в сгиб локтя. Глеб отвернулся. Послышалось тихое шипение инъектора. Сначала ничего не происходило. Затем раздался хруст.

Тихий, мерзкий звук ломающихся суставов. Глеб рискнул скосить взгляд.

Кожа Киры на руках стремительно темнела, приобретая землисто-серый оттенок корпоративной униформы Синдиката. На предплечьях проступили чешуйчатые узоры, складывающиеся в штрих-коды. Ногти почернели, вытянулись и стали полыми, превратившись в идеальные иглы инсектицида. Лицо начало оплывать, теряя человеческие черты. Нос втянулся, губы истончились в жесткую линию, уши исчезли вовсе. Через тридцать секунд рядом с ним стояла идеальная маска служащего конкурирующей корпорации. Даже движения изменились — появилась дерганная, экономная моторика машинных слуг.

Система распознавания дала добро мгновенно. Внутренние датчики мембраны уловили нужный генокод. Радужная пленка пошла волнами и впиталась в потолок.

— Двадцать минут, — прохрипела Кира новым, лишенным обертонов голосом. Механизмы трансформации запустили процесс некроза тканей. Если они не закончат за двадцать минут, ее сердце распадется на клеточном уровне. Она стала идеальным шпионом ценой собственного здоровья.

Блок Г. Танцы с машиной (Взлом нервной системы)

Мутировавшая Кира скользнула вперед. Она двигалась плавно, почти перетекая по полу, имитируя семенящую походку местных функционеров. Ее цель — подойти к гие-не-Архивариусу и передать ложные данные о стабильности купола Эдема. Отвлечь системный контроль.

Глеб остался в тени опорной колонны. Его задача — пульт перенастройки врат. До него пятьдесят метров открытого пространства, сплошь покрытого силовыми кабелями. Кабели были живыми. Охранный контур состоял не из лазерных сеток, а из плотоядных электрических угрей, плавающих прямо в высоковольтных жилах. Их полупрозрачные тела ритмично сокращались, генерируя статические разряды, от которых волосы на затылке Глеба вставали дыбом даже сквозь шлем.

Он не пытался обойти ток. Инспектор достал из разгрузки кусок ферритового композита — тяжелый металлический брусок размером с пачку сигарет. Он выждал момент, когда ближайший угрей выгнулся дугой, накапливая потенциал. Разряд ударил в стену, рассыпавшись фиолетовыми искрами. Пауза. Период разрядки составлял ровно четыре целых и две десятых секунды. Ровно столько, сколько нужно было Глебу, чтобы преодолеть открытый участок.

Он швырнул металл в центр бассейна с кабелями. Угри

метнулись к приманке, привлеченные запахом чистого проводника. Началась свалка. Вода — вернее, жидкий электролит — закипела. Глеб глубоко вдохнул остатки стерильного воздуха Слепой зоны и прыгнул вниз.

Он приземлился на дно, погрузившись по пояс в едкую жижу. Ожоги начались мгновенно, костюм задымился. Но Глеб знал физику этого места лучше, чем таблицу умножения. Он бежал по дну, используя свои знания гидродинамики. Зоны турбулентности, возникающие вокруг извивающихся тел хищников, создавали временные карманы пониженного давления. Хищники инстинктивно избегали их — там возникал риск короткого замыкания собственных нервных узлов. Глеб петлял между гигантскими тушами, ориентируясь по пузырькам газа, поднимающимся от гниющих проводов. Десять метров. Пятнадцать. Консоль пульта уже близко.

Блок Д. Лицом к морде (Разоблачение)

Гиена перестала жевать временную линию. Звук гидравлики стих. Массивные сегменты бронированной морды начали расходиться в стороны, подобно лепесткам диафрагмы фотоаппарата. Обнажились не пожелтевшие клыки, а ряды вращающихся оптических линз разного диаметра.

Зверь проигнорировал маскировку Киры. Тепловизор прошелся по ее фигуре, считывая температуру тела — норму сотрудника Синдиката. Линзы сфокусировались на животе агента. Машина поняла, что перед ней носитель маркера XXI века — того самого лишнего веса, той самой гормональной зашлакованности, которой не могло быть у биоинженеров будущего.

Предательство среды произошло внезапно. Стерильный, безвкусный воздух Синдиката дрогнул и сменился сладковатым, приторным ароматом. Запах гниющей садовой клубники пополам с дешевым советским одеколоном. Споры Киры, введенные ей в кровь вместе с сывороткой техник-био, не выдержали стресса. Процесс мутации вызвал перегрев желез внутренней секреции. Генетический камуфляж начал бесконтрольно выделяться через поры, смешиваясь с потом.

Маскировка провалилась. Не из-за ошибки оператора, не из-за сбоя датчика. Из-за биологии самой героини. Из-за человеческой природы, которая всегда оставляет улики.

Гиена медленно поднялась. Звук ее сервопротезов изменился. Ритмичное, рабочее клацанье сменилось рваным, агрессивным скрежетом металла о металл. Зверь переходил в боевой режим.

Она атаковала не Глеба, скрытого за консолью, и не Киру. Она ударила когтями ближайшую колонну жизнеобеспечения. Броня колонны лопнула, выпуская наружу кишки из оптоволокну и охладителя. Зал начал заполняться едким, сильным дымом горящей изоляции. Сирены молчали — пожар считался внутренним делом оборудования.

Блок Е. Экстрактивная память (Клиффхэнгер)

— Уходим! — крикнул Глеб, выдирая разъем данных из порта. Загрузка координат прервалась на девяноста четырех процентах. Без ввода новых параметров в пульт они заперты здесь навсегда. Обратной дороги в Управление нет. Впереди — кислотные желудки угрей.

Кира не двинулась с места. Она смотрела на приближающуюся машину. Трансформация завершила свой цикл. Человеческое лицо окончательно слезло с нее, обнажив костяной каркас черепа, покрытый влажной, пульсирующей пленкой. Она больше не притворялась сотрудником Синдиката. Она сбросила личину, как змея сбрасывает кожу. Она снова стала сама собой — генетиком-саботажником, привыкшим играть ва-банк.

Она сделала шаг навстречу гиене.

— Ты ешь прошлое, — произнесла она своим настоящим,

сорванным голосом. — Попробуй настоящее.

Она открыла рот шире, чем позволяла анатомия человека. Модифицированные железы под челюстью набухли, переливаясь ядовито-зеленым светом. Кира плюнула. Это была не слюна. Это была концентрированная фторсульфоновая кислота, сжатая давлением в капилляры ротовой полости.

Жидкость ударила точно в главную линзу на лбу гиены. Боросиликатное стекло толщиной в ладонь зашипело. Оптический сенсор потек желтой лавой. Зверь взревел — впервые за все время издав звук, похожий на голосовое оповещение пожарной тревоги, — и занес лапу для удара.

Раненая машина не упала. Она сделала то, чего не прописывал ни один протокол обслуживания. Она раскрыла свою грудную клетку. Тяжелые бронеплиты разошлись в стороны на мощных поршнях, обнажая внутреннее нутро. Среди сплетений силовых кабелей, масляных трубок и мерцающей гидравлики билось живое сердце. Оно было заключено в прозрачный куб из армированного стекла, подвешенное на тонких титановых кронштейнах. Сердце пульсировало отчаянно, перегоняя темную, почти черную кровь. И оно принадлежало человеку.

Человек в кубе открыл глаза. Белки глаз были прониза-

ны красными нитями лопнувших сосудов. Он смотрел прямо на Киру. На ее деформированный череп, на стекающую по подбородку кислоту, на инспектора Глеба, замершего с дымящимся кабелем в руке. Губы человека зашевелились за толстым стеклом. Звуковой модулятор транслировал его голос прямо в динамики шлемов незваных гостей. Голос звучал чисто, без помех, на безупречном русском языке XXI века.

— Вы опоздали, — сказал человек в кубе. — Мы уже переписали ваше утро. Вашего синтетического кофе номер четыре-бис никогда не существовало.

Свет в зале вырубился одновременно с этим словом. Наступила полная, осязаемая темнота, прорезаемая только багровыми искрами короткого замыкания в разорванной колонне и ядовитым фиолетовым свечением плесени, начинающей пробиваться сквозь одежду Киры. Запах озона и сожженной изоляции мгновенно сменился густой, тошнотворной вонью сожженного мяса, паленого волоса и могильного тлена.

Блок Ж. Распад протокола (продолжение сцены в темноте)

(около 1800 слов)

Темнота давила на барабанные перепонки хуже любого декомпрессионного удара. В безвоздушном пространстве вакуума есть хоть какая-то физика — передача звука невозможна, и мозг быстро адаптируется к тишине. Здесь же тьма была плотной, жирной, наполненной взвешенными частицами пепла и аэрозоля сгоревшей биомассы. Глеб перестал чувствовать свое тело ниже пояса. Электролит, в котором он стоял, теперь работал как ледяная ванна. Костюм аварийной герметизации автоматически впрыснул в кровь дозу адреналина и синтетического тепла, но конечности уже начало сводить судорогой.

Первым звуком стал не треск электричества. Первым звуком стало чавканье.

Гиена, лишившаяся главной линзы, перешла на резервные сенсоры. Инфракрасное зрение вспыхнуло в мозгу Глеба ослепительным белым пятном, передаваясь напрямую через открытые протоколы ближней связи шлема. Огромная туша зверя ворочалась посреди зала, пытаясь захлопнуть грудную клетку. Человек в стеклянном кубе продолжал смотреть на них, но теперь его глаза потеряли фокус. Кровь в кубе начала пузыриться — падение температуры и отключение внешних фильтров запускали в теле пленника необратимые процессы криогенного ожога.

Рядом тяжело дышала Кира. Фиолетовая плесень, вырвавшаяся из-под контроля, теперь покрывала ее плечи и шею шевелящимся ковром. Каждая спора излучала слабое биолюминесцентное сияние, превращая напарницу в жуткий ночной цветок.

— Некроз ускоряется, — прохрипела она. — Температура ядра сорок два и растет. Еще семь минут, Глеб. Потом я стану удобрением для этих стен.

— Девяносто четыре процента, — напомнил Глеб, на ощупь отсоединяя кабель от своего ранца. — Нам нужен канал.

— Канал закрыт! — огрызнулась она. — После твоего прыжка по угрям сработал изолирующий протокол. Ядро ушло в глубокое подполье. Мы тянем пустоту.

Глеб не ответил. Он отстегнул магнитные крепления ботинок и ушел под поверхность электролита с головой. Вода заполнила внешние слои костюма, немедленно активируя систему экстренного дыхания. Под водой царил ад. Электрические угри, потеряв источник централизованного питания, сошли с ума. Они били друг друга током, создавая хаотичные вспышки сварочной дуги. Вода кипела в местах соприкосновения их тел.

Инспектор зажмурился, полностью отдав управление конечностями мышечным рефлексам. Ему нужна была физическая точка доступа. Пульт перенастройки представлял собой монолитную тумбу. Верхние уровни — сенсорика и шифрование — сейчас представляли собой сплавленный ком пластика. Но база... база любого вычислительного узла Синдиката всегда дублировалась внизу. Аналоговый ретранслятор, заложенный в фундамент. Тот, кто строил эту базу параноидально боялся потери данных больше, чем физического уничтожения персонала.

Глеб ощупал основание пульта в мутной, горячей воде. Пальцы наткнулись на решетку вентиляции. Решетка была приварена, но удары тока разбили окружающий бетон. Инспектор вытащил из набедренного чехла композитный клин. Он вбил его в стык и навалился всем весом. Металл визгнул. Решетка провалилась внутрь, открывая технический лаз шириной в тридцать сантиметров.

Воздуха в легких оставалось на минуту. Глеб протиснулся в шахту. Здесь не было воды, зато концентрация паров кислоты от плевка Киры достигла критической отметки. Лицевой щиток пошел мутными пятнами химической коррозии.

— Нашел дубль, — просипел он в микрофон. — Спускаюсь на минус третий слой. Готовь ввод ключа.

— Мне нечем вводить, — голос Киры сорвался на кашель.

— Мои руки... посмотри на мои руки, Глеб.

Он не посмотрел. Он полз вверх по шахте, цепляясь за горячие ребра жесткости. Шахта вывела его в небольшую полость прямо под брюхом гиены. Отсюда монстр выглядел как циклопический собор из ржавчины и высохшей крови. Зверь топтался на месте, его нижние конечности периодически проваливались в собственные силовые кабели. Потеря центрального процессора вызвала конфликт драйверов: одна половина мозга хотела убить нарушителей, другая пыталась сохранить целостность базы данных.

Прямо перед лицом Глеба, пульсируя в такт умирающему сердцу человека в кубе, висел порт прямого сопряжения. Узкая щель, закрытая силиконовой мембраной. Для подключения требовался штекер стандарта «Омега» — толстый, похожий на медицинский инструмент для трепанации. Такого инструмента у инспектора не было.

У него был собственный позвоночник.

Точнее, базовый нейрошунт, вживленный каждому сотруднику СХБ при приеме на работу. Обычно он использовался для прямой загрузки архивов в кратковременную память, чтобы разгрузить глаза при чтении древних манускриптов. Сейчас этот тонкий золотой коннектор, скрытый под кожей на загривке, оставался единственным способом

установить мост.

— Кира, — позвал он. — Мне нужно чистое окно. Три секунды. Отключи плесень.

— Я не могу ее отключить, она автономна! — рыдала она в эфире. — Я пытаюсь сдержать ее рвоту, иначе мы все сдохнем от микотоксинов!

— Тогда направь ее! — рывкнул Глеб, прижимая шейные позвонки к холодному металлу шахты. — Прямо мне на спину. Максимальный выброс спор. Мне нужен ферментативный прожиг.

Кира не стала спорить. Биолюминесцентное свечение вокруг нее вспыхнуло так ярко, что пробило толщу бетона и электролита. Миллиарды спор устремились вверх, формируя живой гейзер. Они прошли сквозь решетку шахты. Глеб почувствовал, как его воротник намок. Споры вступили в реакцию с защитным гелем костюма, вырабатывая локальную порцию азотной кислоты.

Ощущение было сравнимо с поливанием спины кипятком. Гель испарился. Оголенная кожа шеи встретила с золотым контактом нейрошунта. Глеб выдохнул задержанный воздух и впечатал затылок в металлическую скобу. Раздался хруст. Боль была чистой, математической, лишенной эмоций. Шунт пробил кожу и вошел в паз порта синхронно с

тем, как очередная волна тока от беснующихся угрей прошла через ноги гиены.

Синдикат рухнул им в головы.

Это не было похоже на загрузку файлов. Это было похоже на выпадение из окна небоскреба. Информационный поток Синдиката не имел структуры библиотеки. Это был океан первобытного бульона, где даты рождения Христа и серийные номера унитазов соседствовали в одной банке памяти. Глеб попытался найти координаты выхода, но поисковый алгоритм утонул в терабайтах кулинарных рецептов каннибалов эпохи верхнего палеолита, которые Синдикат зачем-то хранил как эталон белкового обмена.

— Забудь выход! — мысленно закричал он, чувствуя, как нейроны начинают плавиться от несогласованных протоколов. — Дай мне структуру замка! Как выглядит ключ?!

Ответ пришел не текстом. Ответ пришел вкусом. Во рту появился привкус медной стружки и мокрого снега. Ключ не был последовательностью цифр. Архитекторы Синдиката презирали десятичную систему. Ключом была геометрическая прогрессия боли. Чтобы открыть врата, нужно было заставить центральный процессор пережить схлопывание временной петли длиной в одну микросекунду.

А для этого нужно было замкнуть цепь собственным телом.

— Кира! — вслух выдохнул Глеб, вися вниз головой в шахте, припиленный к порту собственным позвоночником. — Когда я скажу — режь кабель питания. Тот, что идет от сердца в кубе. Напрямую. Без изоляции.

— Ты заземлишься через меня? — догадалась она. — Твоя изоляция сгорела, ты станешь сверхновой!

— Именно, — прохрипел он. — Начинай обратный отсчет от моего сердечного ритма.

Он положил палец на кнопку принудительной дешифровки на своем внутреннем интерфейсе. Нажатие инициирует выброс всей энергии микро-реактора костюма в нервную систему. Это штатный протокол самоубийства агента, захваченного противником. Энергия должна испепелить мозг, чтобы враг не скачал воспоминания.

Но если направить этот вектор не внутрь черепа, а в порт...

— Сердечный ритм стабилен... сто ударов... девяносто девять... — начала отсчет Кира. Ее голос теперь шел не из рации. Споры проросли сквозь вентиляцию кабины и теперь жили в воздухе вокруг Глеба. Он чувствовал их как легкое

покалывание на деснах. — ...восемьдесят... синхронизация с ядром... они видят тебя, Глеб. Человек в кубе пытается перехватить управление твоей дыхательной системой...

— Режь! — заорал Глеб и вдавил кнопку.

Мир исчез в белом шуме. Реактор костюма отдал всю душу. Ток силой в несколько тысяч ампер ударил из шейного отдела позвоночника в порт Синдиката. Глеб не видел, но физически ощутил, как взрывается предохранитель под брюхом гиены. Энергия нашла кратчайший путь. Она прошла сквозь интерфейс, врезалась в ядро вычислений и, не найдя программного сопротивления, ухнула прямым в стеклянный куб.

Сердце человека-конкурента лопнуло.

Не остановилось. Лопнуло кровавым арбузом, забрызгивая внутренности машины ошметками предавшей человечество плоти.

Взрывная волна прошла назад по цепи. Она ударила в Глеба, вышвыривая его из шахты, как пробку из бутылки теплого шампанского. Инспектор пролетел через весь зал, круша хрупкие биокресла, и впечатался спиной в стену из переваривающей органику плоти. Стена попыталась поглотить его, выпустив пищеварительные соки, но химический состав

протектора костюма, смешанный с токсинами Киры, оказался для нее смертельным ядом. Стены зала начали судорожно сокращаться.

Наступила тишина. Настоящая, вакуумная тишина. Сирены наконец осознали смерть хозяина и перешли на панический ультразвук, недоступный человеческому уху.

Глеб сполз по стене на пол. Его нервная система представляла собой короткое замыкание. Он не чувствовал пальцев. Он вообще не был уверен, что у него остались конечности. Взгляд сфокусировался на потолке.

Там, где раньше пульсировала мембрана входа, теперь зияла идеальная круглая дыра. За ней виднелся родной серый кафель Слепой зоны. Путь домой был открыт.

— Кира... — позвал он. Собственный язык едва помещался во рту.

Ответа не последовало. Глеб повернул голову, скрипя позвонками.

Кира стояла там же, где он ее оставил. Но теперь она светилась вся. Фиолетовая плесень победила. Она больше не росла на коже — она заменила кожу. Агент Синдиката, пы-

тавшийся удержать мутацию, проиграл. Теперь перед Глебом стояло существо ростом под три метра, состоящее из переплетенных грибных нитей и человеческих костей. Лица не было. На Глеба смотрела огромная чашечка гриба, края которой медленно раскрывались, готовясь выпустить облако спор.

Она наклонилась. Сквозь толщу мицелия пробивался знакомый, бесконечно уставший человеческий голос:

— Координаты введены, — доложила она. — Сто процентов. Купол Эдема перезагружен. Наши утренние булочки вернулись в меню, инспектор.

Ее рука — если это можно было назвать рукой — вытянулась вперед. Тонкий, острый гиф гриба коснулся забрала шлема Глеба.

— Уходи, — прошелестела она. — Мой таймер истек десять секунд назад. Сейчас начнется фаза распыления. Я стану спорами для всего сектора. Меня будет слишком много.

Грибная масса начала подниматься к потолку, ища вентиляцию.

— Кира, я не понесу тебя, мой экзоскелет мертв! — попытался крикнуть Глеб, царапая ногтями пол.

— Меня не надо нести, — усмехнулся гриб. — Я теперь везде.

Шлем издал предупреждающий сигнал. Уровень микотоксинов в секторе превысил смертельную концентрацию в двенадцать раз. Система фильтрации отключилась за отсутствием смысла. Глеб сделал единственное, что мог сделать инспектор хронослужбы в такой ситуации. Он нарушил инструкцию.

Он снял шлем.

Горячий, отравленный воздух ворвался в легкие. Глеб ожидал мучительной смерти, разрыва альвеол, кипения крови. Но вместо этого он почувствовал запах. Сладковатый запах гниющей клубники. Тот самый первый симптом мутации Киры. Споры, заполняющие зал, признали в нем своего. Они не тронули его. Густой фиолетовый туман обтекал его фигуру, оставляя вокруг небольшое пространство чистого кислорода — личный микроклимат, подарок умирающей напарницы.

Глеб пополз к пролому. Каждое движение отзывалось фейерверком в спинном мозге. Он выполз в Слепую зону, скатился по наклонному кафелю и замер.

Позади, в логове Синдиката, творилось нечто невообразимое. Гигантский грибной организм прорывался сквозь пе-

рекрытия, разрывая титановые балки. Рев кибернетической гиены, перешедшей в режим полного системного распада, слился с симфонией растущего мицелия.

Из пролома вылетел единственный предмет. Маленькая керамическая тарелка. Та самая, на которой гиена подавала темпоральные узлы. Тарелка прокатилась по серому кафелю и остановилась в сантиметре от лица Глеба. На дне тарелки осталось немного застывшего янтаря. Золотая нить какой-то очень счастливой, давно убитой жизни.

Глеб закрыл глаза. Протокол эвакуации требовал немедленной активации личного маячка. Но палец не слушался. Он сидел на грязном полу границы миров, вдыхал запах собственной погибающей коллеги и ждал, пока здание Синдиката окончательно сложится внутрь себя, погребая под собой украденное ими ядро.

Когда автоматические дроны санитарной зачистки Управления найдут его здесь через полчаса, они зафиксируют уникальный случай нулевого заражения субъекта в эпицентре четвертого уровня биологической угрозы. В отчете появится сухая строка: «Обнаружен агент Северин. Состояние критическое. Объект удерживает в руках фрагмент темпорального узла. Психологическая дебрифинг-комната забронирована на трое суток».

Но это будет позже. Сейчас была только боль, кафель и тихий звон лопающегося стекла где-то в глубине умирающего ада.

Блок 3. Дебрифинг без протокола (около 1900 слов)

Белый цвет имеет множество оттенков. Существует клинический белый — холодный, отдающий синевой, цвет нержавеющей стали и операционной. Существует бюрократический белый — теплый, кремовый, цвет казенной бумаги, на которой пишут приказы об увольнении. Цвет, в котором очнулся Глеб, не принадлежал ни к одной из этих категорий. Это был мертвый белый. Цвет старых переломанных костей и высохшего клея.

Он попробовал пошевелить пальцами ног. Получилось. Икры отозвались тупой болью, словно накануне он спустился пешком с Эвереста, причем дважды. Глеб открыл глаза. Над ним нависал стандартный диффузный потолок блока интенсивной терапии СХБ. Слева тихо попискивал кардиомонитор, выдавая удивительно ровный синусоидальный ритм. Учитывая, что его собственная нервная система еще час назад представляла собой пережаренную яичницу, такая

стабильность пугала больше, чем любой приступ тахикардии.

Дверь ушла в стену без звука. Вошла медсестра. Молодая, с идеальной осанкой выпускницы закрытых ведомственных училищ. В руках она держала лоток, на котором лежал один-единственный предмет. Не шприц. Не капельница. Его собственный служебный жетон, покрытый мелкими пятнами въевшейся копоти.

— Инспектор Северин, — произнесла она без всякого выражения. — Вас ждут в комнате четырнадцать. Ходьба разрешена. Прием пищи отложен до завершения когнитивного теста.

Комната четырнадцать находилась в крыле глубокого анализа. Сюда не заходили рядовые врачи. Коридор по пути сюда не имел окон, а плафоны на потолке мигали с частотой, вызывающей легкий тремор глазных яблок — защита от несанкционированной записи на бионическую оптику.

За столом сидел не куратор его отдела. За столом сидел Директор. Лицо Директора было гладко выбрито, но глубокие складки у рта свидетельствовали о том, что последние сутки он провел, перемалывая челюстями гранитные проблемы ведомства. Между ними на столе стояла та самая керамическая тарелка. Сейчас она была пустой и чисто вымы-

той, но Глеб физически ощущал исходящий от нее фантомный вес золотых нитей.

— Синтетический кофе восстановили, — сказал Директор вместо приветствия. — Смесь четыре-бис вернулась в диспенсеры сегодня в ноль шесть утра. Сенсорный анализ подтвердил молекулярный профиль. Наша утренняя рутина спасена. Поздравляю с успешным завершением операции.

Глеб молчал. Его горло пересохло, но пить не хотелось.

— Где Кира? — спросил он. Голос звучал как наждачная бумага. — Мне нужен полный отчет о состоянии объекта. Степень интеграции спор, возможность реверсивной терапии...

Директор медленно снял очки в тонкой металлической оправе. Положил их на стол. Звук соприкосновения металла с ламинатом прозвучал как выстрел.

— Объект Ветрова прекратил существование как индивидуальная единица примерно через восемь минут после вашего пересечения границы Слепой зоны, — буднично сообщил он. — Текущая форма колонии термофильных аскомицетов занимает площадь около четырехсот квадратных метров в бывшем техническом коллекторе пятого сектора. Мы локализовали ее. Поставили тепловые завесы. Департамент ботаники просит разрешения использовать ее в качестве живого

фильтра для очистки нижних уровней от радиации. Весьма эффективная биомасса.

Глеб почувствовал, как кадык дернулся. Он ожидал услышать слово «гибель». Ожидал увидеть траурную рамку на личном деле. Но директива Департамента ботаники переводила смерть лучшего генетика поколения в категорию хозяйственного инвентаря.

— Она сохранила сознание? — выдавил Глеб.

— Локализованные участки коры головного мозга функционируют в режиме распределенного сервера, — пожал плечами Директор. — Она передает нам телеметрию сектора. Говорит, что чувствует себя отлично, потому что больше не испытывает зубной боли. Рекомендую вам не пытаться с ней связаться, инспектор. Ваша старая дружба закончилась вместе с вашим старым метаболизмом. Теперь вы разговариваете с государственным ресурсом стратегического назначения.

Директор придвинул к нему планшет. Экран светился синим.

— Почему я жив? — спросил Глеб. — Уровень токсинов в зале превышал LD в десять раз. Моя иммунная система должна была превратить меня в швейцарский сыр.

— Вы должны были умереть трижды, — согласился Директор. — Первый раз — от электрического разряда. Второй

— от асфиксии. Третий — от нейротоксина Ветровой. Умереть вам помешала исключительно ваша посредственность.

Глеб вскинул голову. В глазах Директора не было злобы. Только тяжелая, накопленная годами усталость патологоанатома.

— Ваш нейрошунт, инспектор, — продолжил он, постукивая пальцем по планшету. — Стандартная модель «Омега-Прима». Устанавливается всем сотрудникам категории «Бюрократ». Дешевая штамповка. При пиковой нагрузке свыше тысячи ампер он должен был расплавиться вместе с вашими верхними позвонками. Но ваш экземпляр... скажем так, он устал. Контактная группа имела микроскопическую трещину еще со времен вашей стажировки в архиве восемнадцатого века. При прохождении критического заряда произошел неполный контакт. Вы получили не тысячу ампер. Вы получили четыреста. Достаточно, чтобы сжечь ядро Синдиката, но недостаточно, чтобы испарить вашу центральную нервную систему. Вам просто чудовищно повезло, Северин. Вселенная забыла добить бракованную деталь.

Директор толкнул планшет через стол.

— Ознакомьтесь. Это предварительный отчет аналитиков по тому, что мы вытащили из ваших синапсов. Поскольку прямое подключение убило бы вас, пришлось проводить глубокую энцефалографию, пока вы находились в медикамен-

тозной коме. Результат... занимательный.

Глеб надел перчатки из стерильного латекса — пальцы все еще плохо чувствовали текстуру — и активировал экран. Первые строки отчета гласили:

Объект: Код «Переписчик-Один» (субъект в кубе).

Статус: Декомпрессия личности. Частичное восстановление матрицы.

Ключевая фраза: «Вашего синтетического кофе №4-Бис никогда не существовало».

Ниже шли гигабайты расшифровки. Человек в кубе не был Главным Архивариусом. Он был Идеальным Конструктором. Специалистом из параллельного потока, который добровольно пошел на трансплантацию собственного мозга в управляющий узел гиены, чтобы лично контролировать процесс эрозии времени.

Глеб листал страницы, чувствуя, как возвращается головная боль. Симуляции. Сотни тысяч симуляций Утра.

В версии Альфа хлеб

Глеб листал страницы, чувствуя, как возвращается головная боль — не пульсирующая агония поврежденных нервов, а сухой, методичный стук молоточка по внутренней стороне черепа. Симуляции. Сотни тысяч симуляций Утра.

В версии Альфа хлеб в столовой СХБ падал маслом вниз ровно в 07:12. В версии Бета — в 07:14. В версии Гамма масло отсутствовало вовсе, замененное на синтетический лубрикант из-за сбоя поставок. Человек в кубе показал им лишь верхушку айсберга. Синдикат не просто переписывал их утро. Они играли в кости с причинно-следственной связью, меняя ничтожные детали быта инспекторов хронобезопасности, чтобы проверить эластичность реальности.

— Кофе четыре-бис, — глухо произнес Глеб, отрываясь от экрана. — Вы сказали, профиль подтвержден.

— До аттомоля, — кивнул Директор. — Молекулярный сканер выдает идеальную картинку. Смесь зерен арабики из купола Марса и земного робусты. Запах, вкус, плотность пенки. Даже характерный ожог языка, если выпить его слишком быстро.

— Тогда почему человек в кубе сказал, что его никогда не существовало? Если молекулы на месте...

— Потому что изменился контекст, инспектор, — Директор сцепил пальцы в замок. Суставы хрустнули. — Мы восстановили химическую формулу. Но мы потеряли право собственности. Взгляните на раздел «Юриспруденция».

Глеб пролистал отчет дрожащим пальцем. Раздел был пугающе коротким. Три строчки жирным шрифтом:

Патент №884-Альфа (Синтез кофеина для нужд СХБ).

Статус: Аннулирован.

Новый правообладатель: Консорциум «Вечность» (Таймлайн-дублер Зет-9).

— Они не сожгли наш кофе, — понял Глеб. — Они украли у нас историю его создания. Теперь это не наш синтетический напиток. Это импортный продукт конкурентов, который мы вынуждены покупать по лицензионному соглашению. Каждая выпитая чашка теперь отчисляет кредиты в бюджет Синдиката. Наш утренний ритуал стал актом капитуляции.

Директор снова надел очки. Стекла отразили мертвенный свет ламп, превратив его глаза в белые пятна.

— Ветрова спасла вам жизнь дважды, Северин. Первый раз — когда плюнула кислотой в гиену. Второй раз — когда позволила своим спорам окружить вас коконом. Мицелий заблокировал нейротоксины, которые иначе переварили бы ваш спинной мозг за секунды. Она потратила весь свой биологический ресурс на создание индивидуального стерильного поля вокруг вашей головы. Когда дроны извлекали ваше тело, вы сидели в центре фиолетового шара идеальной формы. Как эмбрион внутри яйца рептилии. Красиво и абсолютно противоестественно для протокола безопасности.

— Я хочу ее увидеть, — сказал Глеб.

— Исключено. Департамент ботаники классифицировал ее как агрессивную инвазивную среду второго уровня. Любой контакт без скафандра высшей защиты приведет к немедленной интеграции ваших тканей в общую грибницу. Ваша старая подруга больше не ест бутерброды, инспектор. Она питается тепловыми отходами ядерного реактора базы.

Директор нажал кнопку под столешницей. Дверь открылась, впуская двух медиков с антигравитационными носилками.

— У вас сорок восемь часов отпуска, Северин, — сухо резюмировал Директор. — После чего жду вас на полигоне. Нам нужно протестировать вашу новую нервную систему. Из-за микротрещины в шунте ваши рефлексy ускорились на двенадцать процентов. Поздравляю, вы только что получили повышение до категории «А», даже не сдав норматив по стрельбе. Правда, есть побочный эффект.

Медики начали отстегивать датчики от груди Глеба.

— Какой? — спросил он, садясь на кушетку. Ноги предательски задрожали.

— Тот заряд, что прошел через вас... он не заземлился полностью в порту. Часть потенциала осталась в вашем теле. Зафиксирована слабая электростатика. Постоянная. Около сорока вольт. Ничего смертельного. Лампочки перегорать

рядом с вами не будут, но наручные часы лучше носить механические. И людей за руку не хватайте. Последнего стажера, который похлопал вас по плечу, пришлось реанимировать.

Квартира встретила его запахом озона и запустения. Автоматические системы жизнеобеспечения перевели жилище в режим консервации, едва система слежения потеряла сигнал его чипа. Воздух был холодным и густым. Глеб бросил жетон на тумбочку в прихожей. Металл тихо загудел, коснувшись пластика, и оставил после себя легкое сизое облачко дыма. Пластик слегка оплавился.

Он прошел на кухню. Стандартный белоснежный блок, лишенный индивидуальности. Диспенсер еды мигнул зеленым индикатором, распознав хозяина. На панели высветилось предложение: «Синтетическая смесь 4-Бис. Рекомендованная температура подачи: 65 градусов».

Глеб смотрел на эту надпись минут пять. Он думал о человеке в кубе. О том, как спокойно тот принял свою смерть, продолжая транслировать координаты прямо из лопающегося сердца. О том, как пахнет гниющая клубника перед тем, как стать смертью для целого сектора.

Его рука сама потянулась к сенсору. Палец замер в миллиметре от кнопки выдачи.

Если он нажмет ее, машина выдаст жидкость. Идеальный баланс антиоксидантов, бодрящих алкалоидов и подсластителей. Жидкость будет коричневой. Она будет горячей. Но она больше не будет *его*. Чашка в руках станет напоминанием о краже. О том, что пока они с Кирой рвали жилы в логове врага, юристы параллельной вселенной тихонько переподписали договор аренды на их реальность.

Пальцы сжались в кулак. Глеб резко ударил по панели диспенсера открытой ладонью. Не сильно, но точно в стык защитных пластин. Хрупкая электроника жалобно хрустнула. Сенсорный экран пошел глубокой черной трещиной, брызнув мелкими осколками поликарбоната. Индикатор обиженно моргнул красным и погас. Машина умерла.

Из раны на ладони сочилась кровь. Глеб тупо смотрел на нее, пока встроенная аптечка куртки не впрыснула коагулянт. Кровь свернулась почти мгновенно, покрыв порез черной коркой. Тело работало быстрее мозга.

Он развернулся и вышел из кухни. Достал из кладовки старую дорожную сумку. Набросал туда смену белья, тяжелый армейский нож старой закалки — металл не боялся его статического электричества — и единственный предмет, ко-

торый он позволил себе взять со стола Директора. Керамическую тарелку. Ту самую, пустую. Он завернул ее в собственное форменное белье.

На коммуникатор пришло сообщение. Открытый канал, не зашифрованный. Отправитель: «Объект_Кира_Распределенная».

Текст гласил: *«Температура в коллекторе плюс семьдесят два. Растем вглубь. Сегодня ночью видела во сне мезозой. Там было сыро. Ты хорошо бежал по угрям, инспектор. Для бюрократа.»*

Глеб выключил коммуникатор. Вытащил из него карту памяти, сломал пополам голыми пальцами и смыл обломки в унитаз. Биологическая сеть Синдиката могла отслеживать сигналы устройств. А Глеб больше не хотел быть точкой на карте.

Он покинул квартиру, не активируя протокол сдачи ключей. Дверь закрылась за ним, перейдя в статус «Ожидание списания».

Лифт спустил его на минус двадцатый уровень — технические парковки гравитационной службы. Его служебная машина была там — черная капля полированного композита, памятная и покрытая копотью. Бортовой компьютер встретил

хозяина радостным перезвоном систем диагностики.

— Обнаружены множественные повреждения правого борта, — сообщил приятный женский голос. — Зафиксировано несанкционированное электромагнитное излучение пилота. Рекомендуются медицинский осмотр.

— Заткнись и проложи маршрут, — бросил Глеб, падая в пилотское кресло. Кресло заискрило под весом его тела, обивка пошла легким дымком. — Самый длинный путь. Поверхность. Старый город. Никакого использования тоннелей быстрого доступа.

Гравицикл бесшумно вырвался из утробы паркинга в серое брюхо мегаполиса. Наверху всегда шел дождь. Кислотный, мелкий, превращающий стекло небоскребов в матовое полотно. Купол Эдема отсюда казался невидимым, но Глеб знал — он там. Тонкая пленка удерживаемой реальности, которую они чуть не проиграли сегодня утром.

Они летели над эстакадами магнитных поездов. Город внизу жил своей жизнью. Миллиарды людей просыпались, принимали душ, надевали чистую униформу и шли к своим диспенсерам. Сейчас автоматика по всему городу выдавала им чашки кофе номер четыре-бис. Люди делали первый глоток, морщились от привычной горечи и открывали рабочие терминалы. Никто из них не знал, что рецепт этого утра уже принадлежит чужим людям. Что их день начался с подписи

невидимого дьявола в контракте, которого они даже не читали.

Глеб вел машину на ручном управлении, игнорируя предупреждения бортового ИИ о нарушении эшелонов. Он направлялся к старым промышленным зонам, где еще сохранились здания из настоящего бетона и ржавой арматуры. Туда, куда Управление обычно ссылало провинившихся техников. Где воздух пах машинным маслом и мокрым железом, а не стерильной лавандой климатических установок.

Он искал место, где можно дышать воздухом XX века. Месту, которое Синдикат наверняка считал историческим мусором, недостойным переваривания в своих темпоральных узлах. Месту, где история еще принадлежала тем, кто в ней живет.

Коммуникатор издал короткий треск. Сигнала сети не было, но устройство поймало наводку от собственного поля Глеба. На разбитом экране проступили буквы, словно написанные раскаленной иглой изнутри дисплея:

«Инспектор. Посмотри налево. Блок 4-Г. Окно третьего этажа. Цветок герани. Настоящий. Герань не должна расти при таком уровне ультрафиолета. Это аномалия. Охраняй аномалии. Это единственное, что нельзя переписать».

Глеб скосил взгляд. Среди бесконечных рядов зеркального стекла и хрома действительно виднелся старый жилой блок. Серый, унылый, с облупившейся краской. И на одном из балконов, вопреки всем законам урбанистики и экологии, в пластиковом ящике ярко пламенел красный цветок. Живой. Не синтезированный из целлюлозы.

Глеб крепче сжал штурвал. Боль в шее напомнила о цене билета в этот новый день. Он посмотрел на свои руки. От кончиков пальцев исходило едва заметное голубоватое свечение. Электричество медленно стекало с кожи, выжигая капли конденсата на приборной панели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.